

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Йоханнес Штейнхоф

«МЕССЕРШМИТТЫ»
НАД СИЦИЛИЕЙ

ПОРАЖЕНИЕ ЛЮФТВАФЕ
НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

1941—1943

Йоханнес Штейнхоф

**«Мессершмитты» над Сицилией.
Поражение люфтваффе на
Средиземном море. 1941-1943**

«Центрполиграф»

Штейнхоф Й.

«Мессершмитты» над Сицилией. Поражение люфтваффе на Средиземном море. 1941-1943 / Й. Штейнхоф — «Центрполиграф»,

Йоханнес Штейнхоф, знаменитый немецкий летчик-истребитель, рассказывает об операции «Хаски», когда британские и американские военно-воздушные силы непрерывно бомбили немецкие и итальянские аэродромы на Сицилии. Под давлением превосходящих сил союзников потери люфтваффе приобрели невосполнимый характер. Для опытных пилотов, ветеранов боев в Западной Европе и России, смерть была почти неизбежной, еще меньше шансов выжить оставалось у молодых летчиков, но приказа об отступлении не поступало. Штейнхоф в своих воспоминаниях передает весь трагизм сложившейся ситуации, когда не понимающий происходящего Геринг обвинял в трусости прославленных асов и угрожал им трибуналом. Презирая его за некомпетентность, они по-прежнему шли на верную гибель.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ТРАПАНИ, 21 ИЮНЯ 1943 Г	7
ТРАПАНИ, 25 ИЮНЯ 1943 Г	18
ТРАПАНИ, 27 ИЮНЯ 1943 Г	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Йоханнес Штейнхоф «Мессершмитты» над Сицилией. Поражение люфтваффе на Средиземном море. 1941–1943 гг

ВВЕДЕНИЕ

Йоханнес Штейнхоф был летчиком-истребителем с самого начала Второй мировой войны до ее последнего месяца, когда в результате аварии своего «Me-262» получил ужасные ожоги лица. В качестве летчика-истребителя люфтваффе он служил и в спокойные дни побед над Францией, участвовал в Битве за Англию, в Русских кампаниях 1941-го, 1942-го и начала 1943 г., в боях над Северной Африкой и Сицилией, в небе над рейхом, прикрывал немецкие войска в Венгрии. В отличие от большинства написавших воспоминания о своем военном опыте Штейнхоф для того, чтобы описать войну, выбрал лишь два конкретных эпизода: воздушную оборону Сицилии в июне – июле 1943 г. и последнюю безрезультатную попытку пилотов люфтваффе в начале 1945 г. удалить Германа Геринга с поста главнокомандующего (книга «Последние часы»).

Штейнхоф рассказывает о месяцах, когда война в воздухе бесповоротно складывалась не в пользу люфтваффе. Под давлением превосходящей технической и производственной мощи союзников потери люфтваффе, и так все возрастающие, окончательно вышли из-под контроля. Штейнхоф пишет: «Теперь не было ничего, что бы напоминало лихого, элегантного летчика-истребителя с его желтым шарфом и щегольской униформой. Наш внешний вид точно отражал состояние, в котором мы находились: мятые, грязные, запятнанные маслом брюки; древние, сальные спасательные жилеты и небритые лица... И лишения поражения, лишения грязи и позора, разъедающие мораль, вредящие боевому духу и служащие лишь тому, чтобы породить новые поражения... Война в воздухе – война технологий, которая не может быть выиграна технически слабой стороной, несмотря на ее высокую мораль и бесстрашные действия. Это был момент, который наши фельдмаршалы не сумели понять, и это также стало причиной того, почему рейхсмаршал мог оперировать лишь только категориями храбрости или трусости».

Штейнхоф прибыл на Средиземноморье в марте 1943 г.¹, вскоре после катастрофы, постигшей немецкую 6-ю армию под Сталинградом. Его представление на новом театре боевых действий прошло на ежедневном совещании, проводимом на Тунисском фронте генерал-фельдмаршалом Альбертом Кессельрингом². Всегда оптимист и вдохновенный лидер, удачно повторявший слова своего фюрера, Кессельринг сообщил Штейнхофу, что тот должен у летчиков-истребителей, находившихся теперь под его командованием в Северной Африке, «заново воссоздать тот агрессивный дух, который вдохновлял каждого в ходе наступления на Эль-Аламейн». Первая же встреча Штейнхофа со своими новыми подчиненными, далекими от пресыщенных героической атмосферой рассуждений Кессельринга, вернула его к действительности: «Мне стало стыдно за громкие слова, которые я подготовил и которые, несомненно,

¹ 1.04.1943 г. майор Штейнхоф был назначен командиром 77-й истребительной эскадры вместо погибшего за неделю до этого майора Иохима Мюнхенберга (Joachim Munchenberg). (Здесь и далее примеч. пер.)

² С 12.01.1940 г. по 11.06.1943 г. он возглавлял 2-й воздушный флот люфтваффе. Затем 26.06.1943 г. Кессельринг был назначен главнокомандующим вооруженными силами Германии в юго-западной части Европы, а 10.03.1945 г. – главнокомандующим Западным фронтом.

отвечали требованиям генерал-фельдмаршала, и просто сказал, что горжусь возможностью возглавить эскадру и что наша работа в том, чтобы летать и уничтожать вражеские самолеты. Спасибо, господа».

Но это также была и работа противника, которого в воздухе было гораздо больше, чем на земле. Получая удар за ударом, немцы должны были оставить и землю. Из Туниса смогла спастись часть люфтваффе (немногие механики в ходе последних отчаянных вылетов были вывезены на Сицилию в фюзеляжах «Vf-109»). И на Сицилии все началось снова. Там были новые самолеты и даже некоторое число новых летчиков. И всюду враг. Британские и американские военно-воздушные силы постоянно и неуклонно блокировали немецкие и итальянские аэродромы. Днем и ночью, с больших и малых высот они разрывали немецкую наземную инфраструктуру на части. Их истребители господствовали в воздухе, безжалостно выбивая люфтваффе. Молодых летчиков-истребителей немедленно сбивали, их почти всегда ждала смерть. Если враг не сбивал их, то неопытность новичков гарантировала, что они закончат карьеру в огненном шаре ужаса и боли на неприспособленных и в чрезвычайной спешке подготовленных аэродромах, с которых налеты союзников заставили действовать люфтваффе.

Для старших, более опытных пилотов – ветеранов боев над Францией, Битвы за Англию, в России или на Средиземноморье – действительность была такой же. Их смерть была не столь немедленной, но все равно неизбежной. Дилетантское руководство Геринга усугубляло и без того тяжелую ситуацию. Полностью утратив связь с настоящим временем и его техническими императивами, он пытался влиять на летчиков-истребителей, оскорбляя их. Он угрожал им трибуналом и обвинял в трусости, когда они не смогли остановить «Летающие крепости». Они отвечали ему презрением и, как и раньше, продолжали неравную борьбу. Опытные летчики какое-то время выживали, но закон средних чисел неизбежно настигал и их. Измотанных физически и истощенных нравственно, их ждала смерть. Это рассказ о поражении германских военно-воздушных сил, столь же горьком, как вкус опасности во рту Штейнхофа, когда он участвовал в бою. В течение еще почти двух лет Кессельринг и его фюрер двигали флажки и значки на карте Европы. Но крах и уничтожение люфтваффе, Третьего рейха и немецкой нации были уже неизбежны. Для людей, подобных Штейнхофу, поражение уже было очевидно.

Уильямсон Мюррей

ТРАПАНИ, 21 ИЮНЯ 1943 Г

*В середине января 1943 г. на конференции в Касабланке премьер-министр и президент Рузвельт решили... что остров Сицилия должен быть атакован и захвачен, как основа для действий в Южной Европе и поскольку это откроет Средиземноморье для плавания Соединенных Наций... Операции должно быть дано кодовое наименование «Хаски». **Фельдмаршал сэр Гарольд Александер. Капитуляция Сицилии***

*[Хотя высадка на Сицилии началась 10 июля]... Операция «Хаски» фактически началась 13 мая, когда завершилась Тунисская кампания... Как только силы оси в Тунисе капитулировали, военно-воздушные силы в Северной Африке смогли полностью сосредоточиться на смягчении обороны Сицилии... **Самюэль Моррисон. Сицилия – Палермо – Анцио. История военно-морских операций США во Второй мировой войне***

*Союзным военно-воздушным силам, оцененным в 5000 самолетов первой линии, противостояли не более 1250 самолетов оси, из которых грубо половина была немецкими и половина итальянскими. Из числа немецких самолетов только 320 были пригодны для действий, и среди них 130 истребителей «мессершмитт» всех модификаций. **Франц Куровски. Ворота в крепость Европа***

*Во время перевода из Северной Африки на материк через Сицилию эскадра (1-я и 2-я группы) прибыла на Сицилию и 20 июня 1943 г. доложила об оперативной готовности. **Журнал боевых действий 77-й истребительной эскадры люфтваффе***

Мы ехали на автомобиле по узким улицам в направлении гавани. Машина подпрыгивала на ухабах, наполняя воздух шумом мотора. Пыльный шлейф позади нас вздымался до крыш. На всем – мостовой, стенах домов, дверях и ставнях – лежал тонкий слой белой пыли. Здесь и там в фасадах домов зияли дыры, проделанные бомбами.

Вокруг ни души. Это было время дневного налета, и жители предусмотрительно покинули город Трапани.

Мы свернули вниз на аллею, достаточно широкую, чтобы проехал автомобиль, и почти сразу же оказались на солнцепеке около причала. Справа от нас простиралась полукруглая бухта, окруженная белыми домами с выбитыми стеклами окон. Лишь в одном доме была открыта дверь, и безвкусные противомоскитные занавески неподвижно висели в проеме. Два человека в изодранных черных костюмах и сдвинутых на затылок кепках сидели на корточках в тени у стены, очищая в луженом ведре мидий. Они не обратили на нас ни малейшего внимания.

Мы вышли из машины. Штраден взял автомат на изготовку, и мы зашагали по мягкому песку к кромке воды.

Небольшой порт походил на подкову. На западе мы могли видеть Средиземное море, его свинцовая поверхность, неподвижная под ярким полуденным солнцем, незаметно сливалась с ослепительным небом.

Слева от нас, около причала, стояли два ржавых брошенных лихтера. На застойной поверхности воды маленькой и мелкой гавани плавали нефтяные пятна. Гниющая древесина заросла морскими водорослями и мидиями.

– Это не может быть далеко, – сказал я, указывая направление. – Я видел вчера с воздуха. Там есть белый песчаный пляж.

Возвращаясь к стенке причала, мы шли мимо домов и через запущенный сад. Через некоторое время мы снова были около моря.

Воздух несколько освежел, дул теплый легкий ветер. Песчаный пляж тянулся на север, насколько мог видеть глаз. В противоположной стороне лежал Трапани, его белые дома сверкали в солнечном свете, а на востоке в синей дымке высилась гора Эриче. Не было слышно ни звука. Мы разделись и легли на белый песок.

– Как мертво и пусто все это кажется сейчас, – произнес Штраден. – Когда мы, оставив Северную Африку, прибыли на Сицилию, было уже очевидно, что это конец, хотя мы и не хотели этого тогда признать.

Я пропустил сквозь пальцы струйку песка и заметил:

– Прекрасное место, чтобы проиграть битву! Сицилия вся в скалах, негде укрыться.

– Они покончат с нами здесь, – мрачно сказал Штраден.

– Но последние шесть недель позволили нам передохнуть, вы должны признать это.

– Да, – согласился Штраден, – по сравнению с двумя последними месяцами в Северной Африке это был санаторий.

– Пойдемте в воду. Нам лучше искупаться, если мы не хотим обгореть.

Вода была теплой, но пришлось пройти сотню метров, чтобы она дошла хотя бы до бедер. Тогда мы начали плавать.

Внезапно и без всякой видимой причины меня охватило тревожное предчувствие, побудив повернуть обратно и быстро добраться до суши. Я побежал обратно к дюнам и бросился на песок. Вскоре рядом за мной, переводя дыхание, упал и Штраден. В этот же момент мы услышали сигнал воздушной тревоги – три выстрела зенитного орудия. Высоко в небе над городом плыли три бледно-желтых облака разрывов зенитных снарядов.

– Они уже на подходе, – сказал Штраден.

Пока мы торопливо одевались, послышался звук двигателей, нарастая и опускаясь на землю.

«Митчеллы» или «мародеры»³. Интересно, появятся ли они над нашим аэродромом? Мы уже собирались вернуться, когда зазвучали унылые, глухие разрывы. Вдали, в стороне горы Эриче, в воздух поднялись грязно-коричневые облака пыли. Когда мы добрались до автомобиля, гавань, как и прежде, была пуста и безжизненна. Все двери теперь были закрыты. Даже мужчины с мидиями исчезли. Мы не видели никого, пока мчались на машине по улицам, шумел лишь наш двигатель.

Штраден припарковал машину перед баракком 2-й истребительной авиагруппы. Гауптман Фрейтаг⁴, командир, поднялся со ступенек, когда мы прибыли.

– Приблизительно шестьдесят «митчеллов», – сообщил он. – Я еще не знаю, какой ущерб они причинили. Кажется, это на стороне 1-й группы. Телефонная линия повреждена.

Несколько летчиков, укрывавшихся в щели⁵ в тени оливковых деревьев, вылезли наружу. На их спасательных жилетах и коленях все еще была земляная пыль.

Фрейтаг выглядел измученным, переутомленным, на покрытый потом лоб падали вклученные волосы. Как и на его пилотах, на нем был желтый спасательный жилет, который охватывал верхнюю часть туловища и опоясывал бедра. Для надежности к нему был пристегнут маленький мешочек с желтой краской⁶.

³ Имеются в виду двухмоторные американские бомбардировщики «В-25» «Mitchell» и «В-26» «Marauder».

⁴ Зигфрид Фрейтаг командовал 2-й группой 77-й истребительной эскадры с 13.03.1943 г. по 03.04.1945 г.

⁵ Простейшее противовоздушное укрытие в виде узкой и глубокой траншеи, которая иногда имела деревянный настил, присыпанный землей.

⁶ В воде эта краска легко растворялась, создавая хорошо заметное с воздуха пятно, позволявшее быстро найти на поверх-

На ремнях вокруг икр были закреплены сигнальные патроны «Верн»⁷. На ногах он носил сандалии. На рубашке цвета хаки, на спине и под мышками, темнели пятна пота.

Сколько раз я собирался сказать ему, чтобы он не летал в сандалиях. Если однажды ему придется выпрыгнуть на парашюте и повезет опуститься на сухую землю, он может сломать лодыжки.

Фрейтагу было 26 лет, он был прирожденным летчиком, но по натуре очень нервным. Каждый в эскадре знал, что он пил – напивался почти каждую ночь. Фрейтаг панически боялся бомбежек. Любой мог заставить его спрятаться с головой в щели, просто колотя по стене барака и вопя «Налет!». Но он никогда не уклонялся от боевых вылетов. В воздушных боях над Мальтой и в ходе кампании в Северной Африке он сбил 99 самолетов⁸. Он носил Рыцарский крест. Но вот уже в течение нескольких месяцев сотая победа не давалась ему.

В бараке зазвонил телефон. Из 1-й группы доложили о потерях среди наземного персонала, но добавили, что зенитный огонь «восемьдесят восьмых»⁹ оказался эффективен.

– Мы не должны терять наши головы, Фрейтаг, – сказал я. – Нам потребуется много пригодных для полетов самолетов, поскольку в будущем не придется скучать. В течение нескольких следующих дней сюда должен прилететь инспектор истребительной авиации¹⁰, он со своим штабом будет управлять действиями истребителей с командного пункта эскадры. Он прибывает из ПВО рейха и имеет опыт борьбы с тяжелыми бомбардировщиками, которого нам все еще не хватает.

– Совсем, совсем, – капризно заметил Фрейтаг. – Мы знаем изумительные сообщения о действиях над рейхом. За завтраком им вежливо скажут, что стая бандитов летит из Восточной Англии, так что они должны взлететь около десяти. И если они выпрыгнут на парашюте или совершат вынужденную посадку, то будут дома уже к ужину... Но мы здесь всегда, когда поднимаемся в воздух, должны летать над паршивым Средиземным морем, и, если выпрыгнем на парашюте, ни одна душа не двинется вылавливать нас, словно рыбу из воды.

– Хорошо, – продолжил я примирительно, поскольку знал его характер. – Но это театр специфический сам по себе. В любом случае положение очень скоро должно измениться. Около Марсалы монтируется большая пеленгаторная станция, которая позволит обнаруживать тяжелые бомбардировщики еще на подходе; в будущем всякий раз, когда они нападут на Рим, Неаполь или Мессинский пролив, мы сможем взлетать вовремя.

– Сейчас есть радиопеленгатор на горе Эриче, – вступил в разговор Штраден, – который засекает нашу точную позицию над Средиземным морем в момент, когда мы включаем радиотелефоны. Так что, в конце концов, нас смогут вытянуть из воды.

– И кто это будет? – спросил Фрейтаг, отведя взгляд.

Добраться до командного пункта можно было только по крутой пыльной дороге, изобилующей резкими поворотами, ниже высокой седловины и деревни Эриче свернув налево, на ухабистую тропу, ведущую к маленькой плоской площадке непосредственно под вершиной.

ности моря сбитого летчика.

⁷ Сигнальный пистолет «Верн» входил в экипировку каждого пилота люфтваффе.

⁸ Штейнхоф неточен в указании побед Фрейтага. К 12.06.1943 г. фактически на его счету были 94 победы, из них 57 он одержал в 1941–1942 гг. на Восточном фронте и 37 – в 1942–1943 гг. над островом Мальта и Тунисом. Затем в период с 04.07 по 09.07.1943 г. в боях над Сицилией гауптман Фрейтаг сбил еще четыре самолета. Свою же 49-ю победу он одержал только 29.05.1944 г., сбив над Италией бомбардировщик «Б-24». Всего к концу войны на счету майора Фрейтага было 102 победы.

⁹ Имеются в виду 88-миллиметровые зенитные орудия «Flak 36/37».

¹⁰ Речь идет о генерал-майоре Адольфе Галланде, который занимал должность инспектора истребительной авиации люфтваффе с 28.11.1941 г. по 22.01.1945 г. В его обязанности входила инспекция истребительных частей, поддержание прямой связи между ними и высшим командованием люфтваффе, оценка боевого опыта и разработка тактических рекомендаций, планирование и контроль обучения новых пилотов, оценка новых типов истребителей и вооружений и т. д. 15.06.1943 г. рейхсмаршал Геринг, недовольный действиями истребительного командования «Сицилия», отстранил от должности его главу генерал-майора Теодора Остеркампа и назначил вместо него Галланда, который при этом сохранил и свою должность инспектора.

Вид оттуда открывался великолепный; далеко на юго-запад тянулась территория острова, в то время как почти прямо под ногами, казалось на расстоянии вытянутой руки, лежали порт и белые здания Трапани около бухты. К городу примыкал аэродром с новой бетонной взлетно-посадочной полосой, а южнее простирались соляные разработки. Марсала лишь смутно вырисовывалась в тумане. На расстоянии оливковые рощи казались небольшими серо-зелеными пятнами, на фоне которых белели дома, деревни и небольшие городки. Лишь аэродром около Чинисии можно было точно идентифицировать из-за взлетно-посадочной полосы светлого цвета.

Позади барака круто вверх уходил скалистый склон горы Эриче. В течение нескольких недель рабочие вырубали в нем пещеры. С тех пор как мы вернулись на Сицилию, они при помощи кирок и пневматических молотков заметно углубились в коричневую скалу, в то время как выкопанная порода накапливалась около зияющего входа и была теперь высотой с дом. Пещера должна была сформировать подкову вокруг одного из огромных естественных столбов, поддерживавших плоскую вершину горы Эриче, и таким образом иметь два выхода. Хотя работы еще не были завершены и наполовину, пещеру уже использовали как бомбоубежище.

Как только автомобиль остановился на горизонтальной поверхности, над нашими головами появились три разрыва зенитных снарядов – сигнал воздушной тревоги. Только что поднявшийся полуденный бриз донес до нас рев двигателей эскадрильи, готовившейся взлететь с аэродрома внизу.

– Какая эскадрилья? – спросил я.

– Вторая.

– Кто ведущий?

– Кёлер¹¹.

Должно быть, собирались взлететь приблизительно пятнадцать машин. Мы могли видеть вихри пыли, поднимаемые при запуске двигателей, поспешную рулежку к взлетно-посадочной полосе, разворот против ветра и быстрый взлет. Тем временем прохладный бриз с моря рассеял туман. Долина Трапани внизу была ясно видна. На дорогах вокруг аэродрома мы видели бегущих людей. Поднятые по тревоге предупредительными выстрелами зенитчиков, все, кто могли это сделать, добирались до укрытий. Здесь наверху люди также спешили под защиту горы Эриче.

Лейтенант Бахманн, мой адъютант, находился при исполнении обязанностей на командном пункте. В отличие от Штрадена, бывшего одним из ведущих атлетов Германии и обладавшего соответствующим телосложением, Бахманн, склонный к полноте, не любил занятий спортом. Мужественные черты смуглого лица, окаймленного копной непослушных волос, делали еще более выразительными его большие темные глаза. Он часто смеялся, показывая прекрасные, ровные белые зубы. Всякий раз, когда я поднимал эскадру в воздух, два эти офицера, столь непохожие друг на друга, летели в моем штабном звене.

– Двухмоторники, – доложил Бахманн. – Направляются к Шакке.

В Шакке находилась 1-я группа.

– Первую предупредили?

– Они подняли в воздух одну эскадрилью. Ведущий Гёдерт.

«Всегда Гёдерт», – подумал я.

Бывший обер-фельдфебель с лицом изуродованным в результате аварии, он был оплотом своей группы с самого начала войны; уравновешенный и надежный, он никогда не пропускал вылетов. Гёдерт не обладал охотничьим инстинктом ведущих летчиков-истребителей и вряд ли когда-либо смог бы приобрести их навыки меткой стрельбы¹². Однако он преподавал летную

¹¹ Обер-лейтенант Арним Кёлер летом 1943 г. выполнял обязанности командира 1-й группы 77-й истребительной эскадры.

¹² К концу Второй мировой войны на счету гауптмана Гельмута Гёдерта было 25 воздушных побед.

тактику нескольким поколениям летчиков-истребителей. Когда я, молодой лейтенант, прибыл в учебную эскадрилью¹³, чтобы научиться летать на истребителях, меня отдали под опеку оберфельдфебеля, который затем стал моим инструктором. Его звали Гёдерт. От него я узнал, как держать дистанцию, будто приклеившись к своему ведущему при полете в сомкнутом строю, как атаковать и стрелять, как начать бой и как выйти из него.

Год спустя я был повышен и сменил прежнюю малозаметную роль на положение командира звена. Теперь уже Гёдерт стал моим ведомым, следовал «как приклеенный» за мной и выполнял мои приказы.

Часто в водовороте летящих в сомкнутом строю истребителей, когда самолет, казалось, становился невесомым, когда облака, солнце, горизонт описывали круги через ветровые стекла и растяжки наших бипланов¹⁴, на лице Гёдерта появлялась улыбка и он одобрительно кивал, словно говоря: «Вот так. Вы все выполняете прекрасно».

– Они пролетели над Шаккой и приближаются к Палермо. Кёлер вошел в контакт с противником.

Из громкоговорителя неслось стакато¹⁵ восклицаний, сообщений и приказов, звуки, которые могли понять только те, кто сами неоднократно переживали момент, когда противник перехвачен и атакован. «Внимание!», «Держись там!», «Ангелы – десять!», «Я атакую...»

– Они развернулись и возвращаются над горой Эриче, – сказал Бахманн. Он все время получал свежие рапорты о позиции противника из нашего центра сбора донесений с самолетов. – Очевидно, там есть и «спитфайры». Была атакована гавань Палермо, и теперь они приблизительно на трех тысячах метров.

Внезапно в действие вступила тяжелая зенитная артиллерия. Тогда же послышался гул двигателей и свист падающих бомб. Выскочив из барака, мы увидели, что западный край аэродрома скрыт облаками пыли. Столбы пыли поднимались из оливковых рощ, окружавших летное поле. Зенитки стреляли непрерывно на звук двигателей на западе, но само вражеское соединение не было видно невооруженным глазом. Вскоре из 1-й группы сообщили, что их эскадрилья приземлилась. Один пилот пропал без вести, над Палермо сбит один бомбардировщик. Фельдфебель Рейнхольд выпрыгнул на парашюте из своего «мессершмитта» и приземлился благополучно.

В сумерках я отправился вместе со Штраденем на нашу квартиру. Дороги были переполнены телегами, запряженными ослами или лошадьми. Жаркое время дня, а с ним и время массированных бомбежек, прошло. Когда мы свернули с главной дороги и поехали по узкой тропинке по горному хребту, нам сверху открылся вид на серповидную бухту Бонаджа.

Мы, офицеры штаба, жили и питались в маленькой неприметной вилле. Она стояла в винограднике, и ее фасад был выкрашен в розовый цвет. Это были владения унтер-офицера Рибера, моего денщика, повара и ординарца, – короче, мастера на все руки. По профессии он был стеклодувом, и во всей эскадре не было никого, кто весом и объемом груди превосходил бы его. По этой причине он не нуждался ни в фамилии, ни в звании – каждый просто называл его Толстяком.

После четырех месяцев изматывающих оборонительных боев на Кавказе я получил короткий отпуск домой из моей истребительной группы¹⁶. Когда отпуск был прерван неожиданным переводом в Северную Африку, я попросил как можно скорее переслать туда мои

¹³ Штейнхоф начал свою военную карьеру в немецком военно-морском флоте (кригсмарине), но затем в 1936 г. в звании лейтенанта перешел в люфтваффе.

¹⁴ Речь идет о бипланах «Heinkel-51 В» и «Arado-68Е», которые в 1935–1938 гг. стояли на вооружении истребительной авиации люфтваффе.

¹⁵ Стакато – музыкальный термин, обозначающий короткое, отрывистое исполнение каждого звука голосом или на инструменте.

¹⁶ С 01.03.1942 г. гауптман Штейнхоф командовал 2-й группой 52-й истребительной эскадры.

вещи. Спустя два месяца – мы к тому времени были уже на Сицилии – ко мне вместе с моим багажом прибыл и Толстяк. Он был моим денщиком в течение нескольких лет и хотел остаться со мной.

По узкой лестнице я поднялся в свою комнату. Напротив двери стояла моя раскладушка. Под стулом лежал небольшой коричневый чемодан, травмированный путешествиями по различным зонам боевых действий, в которые были вовлечены вооруженные силы Третьего рейха. Везде, где мой «мессершмитт» мог взлететь, этот ящик был моим постоянным компаньоном. Изобретательный Рибер имел опыт в заполнении его вещами, в которых я нуждался, пока более тяжелый багаж не догонял нас. Окна во французском стиле, выходящие на балкон, были широко открыты. Поверхность бухты тонула в вечерних сумерках, в то время как здания, склоны и скалы пылали глубоким желтым цветом. Эта картина потрясающей классической красоты причиняла боль, когда я вспоминал о серьезности нашего положения.

Я опустил на кровать, чтобы немного передохнуть. Запахи кухни Рибера распространились по дому. Это была умиротворяющая атмосфера, тишина нарушалась только дружественными и знакомыми звуками – скрипом стула, шипением воды в трубах. И вдруг возник низкий рев авиационных двигателей.

«Веллингтоны»¹⁷ сегодня стартовали рано! Я размышлял. Каждую ночь они появлялись сразу после наступления темноты. Подобно старым бипланам¹⁸, используемым русскими, они играли беспокоящую роль, их задачей было поднять тревогу и помешать нашему отдыху. Они сбрасывали бомбы равномерно по кругу над аэродромом, штабом и нашими квартирами. Мы ненавидели их, поскольку ночи были короткими, за день мы переутомлялись и очень хотели спать.

Сразу же пробудившись от глубокого сна, которым все-таки забылся, я увидел Толстяка, стоящего в изножье моей кровати.

– Еда готова, – объявил он.

Деревянные ставни гостиной были закрыты, чтобы рои насекомых не попали внутрь. Вечер не принес облегчения.

За столом собрались все офицеры штаба – Штраден, Бахманн и Бернхард, молодой лейтенант, которого мы прозвали Бесенком. Хотя он был с нами лишь два месяца, никто не мог вспомнить, почему ему дали это прозвище. Он окончил школу в семнадцать, существовавшие ранее правила были изменены, что позволило ему поступить в офицерское училище и получить квалификацию летчика-истребителя после окончания сокращенных учебных курсов офицерского состава. Вскоре он должен был отпраздновать свой двадцатый день рождения. Старики в штабе заботились о нем и готовили к боевым действиям. Но после нашего прибытия на Сицилию Бернхард был тихим и отрешенным, словно чувствовал, что воздушная война вступает в новую фазу; без сомнения, легкомысленное настроение других его не касалось. Когда он говорил, создавалось впечатление, что он родом из другого мира и прилагает усилия, чтобы быть безупречно вежливым. Я думаю, что он мало спал или совсем не сомкнул глаз в прошедшие ночи.

С нами за столом также сидел фельдфебель Цан, который летал в моем штабном звене. По профессии автомеханик, он был одаренным пилотом и всякий раз, когда летел в качестве моего ведомого, действовал надежно, смело и точно. Рослый и очень порядочный, он был родом из Северной Германии и использовал каждую возможность, чтобы участвовать в вылетах.

Пока мы сидели за столом, электричество отключилось. Толстяк, всегда готовый к такому случаю, спокойно поместил между тарелок пузатую карбидную лампу. Она испускала жесткий

¹⁷ Британские двухмоторные тяжелые бомбардировщики «виккерс-веллингтон» (Vickers «Wellington»).

¹⁸ Имеются в виду самолеты «По-2», использовавшиеся в качестве легких ночных бомбардировщиков.

синий свет и необычно громкое шипение. Штраден повернулся ко мне. Я понимал, что он хочет сказать нечто иное, нежели «Эта жара изматывает меня», или «Проклятое Средиземноморье», или «Я чувствую себя абсолютно разбитым». Казалось, в этом не было никакого смысла; все мы использовали один и тот же простейший словарь военного времени, который не передавал нашего истинного «я».

Плохо освещенные лица казались плоскими сине-зелеными масками. Как утомлен и измотан был каждый из нас! Прошли два месяца после нашей поспешной эвакуации из Северной Африки. В этот момент бледные лица свидетельствовали о том, чего никто не хотел признать: мы проиграли. Все, за исключением Бернхарда, достигли Сицилии в последний час, истощенными морально и физически. И было мало надежды, что обстоятельства изменятся.

Только, образно говоря, вцепившись в него зубами я смог убедить генерал-фельдмаршала¹⁹ в том, что моей эскадре необходим отдых, ибо она больше не пригодная и не эффективная боевая часть, а потому должна прекратить боевые действия.

Приказ на отход поступил в самую последнюю минуту. Трагедия Туниса вступила в конечную фазу. Немецкие и итальянские части, вместе с остатками моей эскадры, сгрудились на узкой полоске земли, называемой мысом Бон, на своем пути к капитуляции. В течение той ночи, когда среди впавшего в отчаяние большинства начала распространяться анархия, мы получили телеграмму: «77-я эскадра должна немедленно прибыть на Сицилию». К счастью, когда это случилось, прежний опыт Сталинграда и плацдарма на Кубани заставил меня заранее, без уведомления командования, договориться о переброске на остров почти всего нашего наземного персонала и снаряжения.

Это было скорее поспешное бегство, чем отход. «Мессершмитты» эскадры приземлились в Трапани 8 мая²⁰; они были пробиты пулями и не обслуживались в течение нескольких дней. Внутри фюзеляжа каждого самолета на коленях стоял механик, глядевший пилоту через плечо. Он занимал такое положение, с большим трудом пролезая через узкий люк отсека радиостанции. Без парашюта и не имея возможности покинуть свою тюрьму в случае критической ситуации, ему оставалось только надеяться на милость судьбы и мастерство своего пилота.

Остатки эскадры взлетали при драматических обстоятельствах. Воздушное пространство над мысом Бон, нашим последним плацдармом, контролировали истребители союзников. Мы провели ночь на маленьком лугу, который тогда, короткой североафриканской весной, представлял собой сплошное море цветов. Наши самолеты могли взлетать только в промежутках, когда «спитфайры» и «китихауки» сменяли друг друга. Поднявшись в воздух, мы стремились уйти, летя на бреющей высоте. Были схватки и потери, и столбы дыма от сбитых самолетов отмечали наш курс.

Как только из моря поднялись синие контуры горы Эриче, переговоры по радиотелефону обрели прежнюю живость. Теперь, когда худшее осталось позади, вероятность упасть в море, не достигнув земли, или необходимость покинуть тяжело поврежденный самолет были столь незначительными, что казались абсурдом. Все после боя пребывали в эйфории. Переполненные счастьем, мы наслаждались немногими часами или днями жизни, предоставленными нам до следующего вылета.

Приземлившись на взлетно-посадочной полосе в Трапани, я находился на наблюдательном пункте, выясняя судьбу остатков своей эскадры, когда внезапно начался налет британских бомбардировщиков. Едва облака пыли от взрывов рассеялись, поступило сообщение, что ожидается прибытие генерал-фельдмаршала. Вокруг царил полный беспорядок. Среди хаоса

¹⁹ Имеется в виду командующий 2-м воздушным флотом люфтваффе генерал-фельдмаршал Кессельринг.

²⁰ Остатки немецкой армейской группы «Африка» сдались 12.05.1943 г., а на следующий день сложили оружие и остатки 1-й итальянской армии. Всего в плен к союзникам в Тунисе попало около 250 тысяч немецких и итальянских солдат и офицеров.

гонявших туда и сюда санитарных машин и горящих на краю взлетно-посадочной полосы самолетов я натолкнулся на Роттберга²¹, который во главе группы «разрушителей»²² собирался тогда вылететь на материк.

– Рад видеть вас, – произнес он, – и счастливого дня рождения!

– Спасибо. Если бы я только знал, что осталось от моей несчастной старой эскадры. Мы едва можем держать глаза открытыми – не спали несколько дней.

– Могу сообщить вам, что пока приземлились двадцать четыре «Ме» из вашего штабного звена и вашей 2-й группы. Теперь, после всех этих неприятностей, мы получили сообщение, что прилетает генерал-фельдмаршал. И мы должны будем увезти его как можно скорее и возможно дальше от аэродрома на случай, если появится вторая волна. Он может приземлиться в любую минуту.

– Это все, в чем мы нуждаемся. . . – Едва я начал говорить, от пункта управления полетами взлетела зеленая ракета – сигнал разрешения посадки. Тяжелый «Дорнье-217» неловко прокатился по взлетно-посадочной полосе, в середине летного поля у него лопнула шина одного колеса, и он остановился.

– Отлично, – прорычал Роттберг, – теперь мы можем заставить его двигаться и поиграть в настоящего героя. Бог не позволит появиться второй волне!

Мы наблюдали, как главнокомандующий на Юге появлялся из люка в брюхе самолета. Сначала показалась пара ног в брюках, украшенных широкой белой полосой. Затем из-под фюзеляжа выползла плотная фигура. Позади адъютант торопливо расстегнул «молнию» на кожаном футляре и, вынув фельдмаршальский жезл, вручил его главнокомандующему.

Лицо генерал-фельдмаршала излучало доверие и оптимизм. Он обнажил в улыбке крепкие зубы, приблизившись к Роттбергу, который после того, как были завершены формальные приветствия, рекомендовал ему по возможности быстрее покинуть аэродром. Однако вместо этого фельдмаршал повернулся ко мне, чтобы выслушать мой доклад.

– Как идут дела, каково состояние вашей эскадры?

– Отвратительно, господин генерал-фельдмаршал. Эскадра – это лишь часть того, что было раньше. У нас остались всего сорок самолетов, ни один из них не годен для вылетов.

Вмешался Роттберг:

– Разве вы не считаете нужным покинуть аэродром? Следующая волна бомбардировщиков может оказаться здесь в любой момент.

Генерал-фельдмаршал казался невозмутимым.

– Господа, почему вы такие нервные? – спросил он. По дороге к автомобилю потребовал рассказать о налете все до мельчайших подробностей.

В штабе Роттберга я попробовал впечатлить его безнадежным состоянием эскадры, добавив, что мы нуждаемся в коротком отдыхе, но потерпел неудачу.

– Мы не должны терять времени в организации обороны Сицилии. Попытайтесь дать своим людям отдохнуть здесь. Я приму меры к выделению самолетов, снаряжения и персонала, но сегодня ваша задача – защита Сицилии.

Я предпринял еще одну попытку объяснить серьезность ситуации:

– Господин генерал-фельдмаршал, эскадра больше не может считаться боеспособной единицей. Ее боевое значение почти нулевое. Пройдя через убийственные оборонительные

²¹ Вероятно, имеется в виду оберст Ральф фон Реттберг (Ralf von Rettberg), который ранее командовал 2-й эскадрой тяжелых истребителей, чей штаб в 1942 г. находился на Сицилии.

²² Концепция самолета-разрушителя была разработана в штабе люфтваффе еще в 1934 г. Она предусматривала использование управляемых экипажем из двух человек двухмоторных самолетов, которые по размерам и массе приближались к бомбардировщикам, но вместо бомб имели мощное стрелковое вооружение. За счет их использования предполагалось сократить оборонительное вооружение бомбардировщиков и тем самым увеличить их бомбовую нагрузку. Таким самолетом-разрушителем в люфтваффе стал «Мессершмитт-110».

бои в Северной Африке и Тунисе, мои пилоты абсолютно на нуле. Тяжелые потери полностью деморализовали их. Поэтому прошу дать им несколько недель отдыха.

Моя просьба натолкнулась на равнодушный отказ:

– Общая обстановка требует, чтобы ваша эскадра продолжала вылеты.

С этими словами фельдмаршал сел в автомобиль, чтобы отправиться в Марсалу, где выгружались остатки армии из Туниса, которые пережили морской переход.

На следующее утро мы провожали генерал-фельдмаршала на аэродроме. Когда он пришел к нам, его грузная фигура была согнута, а перебинтованные руки висели на повязках. В дом около гавани, на верхнем этаже которого он совещался с командующим флотом, во время воздушного налета попала бомба. Его молодой адъютант погиб. Лестница была разрушена, и генерал-фельдмаршалу пришлось спуститься по веревке, чтобы попасть на улицу. При этом он оказался не способен контролировать спуск своего тяжелого тела и в кровь стер кожу на обожженных ладонях.

Перед посадкой в самолет он обратился ко мне:

– Вы можете на несколько недель отправиться в Бари, что в Апулии²³. Но прямо сейчас, потому что я хочу, чтобы эскадра вскоре вернулась на Сицилию готовой к действиям.

В свете карбидной лампы местное вино светилося в бутылках, подобно янтарю. Толстяк поставил на стол какое-то жареное итальянское консервированное мясо и свежий местный сыр.

Беседа текла вяло, потому что большинство из нас были погружены в собственные мысли. Полумрак и духота навевали сон. Я не знаю, слышал ли кто-нибудь свист падающей бомбы, но взрыв рядом с домом нарушил обманчивое спокойствие вечера. Взрывная волна, распахнув ставни, острой болью отозвалась в наших ушах.

Стулья закачались, стаканы разбились о каменный пол. Ругаясь и смеясь, мы беспорядочной толпой сбежали по узкой лестнице к двери, ведущей в сад.

– Толстяк, – позвал я, – принеси мой спальный мешок. Я проведу оставшуюся часть ночи в гроте.

Добраться до грота можно было только через отверстие в стене позади дома. Проползая затем под усыпанными гроздьями лозами винограда, ты оказывался перед его входом, темным, но все же видимым в слабом свете. Грот был высечен в скале, на которой стояла вилла, и объединял функции винного погреба и бомбоубежища. Пространство внутри тускло освещалось керосиновым фонарем и во мраке казалось большим, чем было на самом деле.

Фонарь стоял среди множества винных бутылок на столе, вокруг которого сидели летчики и светловолосая девушка по имени Тереза. В дальнем углу, почти невидимое во тьме, смутно виднелось желтоватое лицо – сидела ее бабушка, она заняла место напротив скальной стены, и ее спина была прямой, как шомпол.

В пещере расположилась обычная компания, те, кто каждый вечер приходили в это прохладное место, была ли бомбежка или ее не было: Штраден, Бахманн, Фрейтаг, Бернхард, Цан и командир 1-й эскадрильи Кёлер.

Кёлер происходил из цирковой семьи и уже мальчиком, как он нам рассказывал, выступал с Ривельсом. Он чрезвычайно интересно и забавно рассказывал о цирке и цирковых артистах, его историям особый колорит придавало ярко выраженное саксонское произношение. У него был болезненный цвет лица, так как его в течение длительного времени мучила малярия. Он также имел неприятности с животом. Впрочем, каждый после боевых вылетов на нервной почве страдал животом. Единственным исключением был Бахманн, который, когда мы сидели в готовности в своих кабинах, порой за минуту до взлета просил принести ему супа. Он ел с почти садистским удовольствием, так как было очевидно, что оно увеличивается выражениями отвращения других пилотов к такому неестественному самообладанию.

²³ Апулия – провинция на юго-востоке Италии.

Фрейтаг отдыхал, положив ноги на корзину. Его белые сандалии были сделаны из хромовой кожи, которой обычно протектировались топливные баки самолетов; он носил идеально белые носки. Его одежда всегда была чиста и безупречна, что еще больше подчеркивало нетрадиционную манеру одеваться.

– Признаться, Арним, – произнес он, лениво поворачиваясь к Кёлеру, – сегодня вы не произвели сильного впечатления на «мародеров».

Кёлер посмотрел на него с удивлением:

– А что вы можете сделать, когда располагаете только восемью машинами? Это те же самые парни, что имели обыкновение ежедневно бомбить нас в Северной Африке. Хотя их бомбометание все еще неточное, полет в строю стал лучше. Когда вы идете на них, трассеры льются на вас, словно из душа.

– Я не уверен, что это не прелюдия к появлению «боингов» и «либерейторов»²⁴, – спокойно заметил Фрейтаг.

Он озвучил мысль, что занимала умы всех нас. Я знал, о чем все думали, – как во время атаки эти большие бомбардировщики будут выглядеть в наших подсвеченных прицелах. Я также знал, что, когда дойдет до дела, они откроют огонь слишком рано, чтобы повернуть и уйти, а шансы остаться невредимыми очень малы, потому что тактика единственной атаки стала каждодневной рутинной, а также потому, что каждый из них, ощущая закон средних чисел, будет спрашивать себя: «Сколько еще...»

Бахманн был одним из тех, кто, казалось, вовсе не имел никаких нервов. Лежа на раскладушке, он шепотом беседовал со Штраденем, который около него расслаблялся в старом шезлонге.

– Бахманн, расскажите мне, в чем там дело с Рейнертом²⁵, – обратился к нему Фрейтаг.

– О, в настоящий момент Рейнерт не совсем в порядке. Сегодня в полдень он дефилировал по улицам деревни в своем белом кителе. На боку у него болтался парадный кортик.

– Рейнерту нужна женщина, – заявил Фрейтаг.

– Люди фыркали, словно дренажные трубы, когда видели его наряд сверху и внизу.

– Ни одна из женщин здесь не обратит на нас внимания. Все, что они хотят, так это увидеть, как мы уйдем.

– Не будьте слишком суровы к Рейнерту, – сказал Фрейтаг, – он не был дома с прошлого лета. У него была девушка в Бари – он тратил на нее все деньги. Она работала на кухне в «Ориенте» и носила черное платье с маленьким белым воротником, застегивающимся на кнопки. Ее стол сиял словно зеркало. Он всегда приходил на кухню, чтобы проверить чистоту и взять у нее уроки итальянского. Вы знаете, как это делается, – касаетесь ее носа и спрашиваете: «Как это называется?» То же повторяете с подбородком и продолжаете далее, медленно опускаясь вниз.

– Но почему он возит с собой белый китель? – спросил Кёлер.

Фрейтаг налил себе еще стакан и ответил:

– Потому что не хочет выглядеть столь же потрепанным, как вы.

Как и прошлой ночью, никто не испытывал никакого желания возвращаться в дом. Фрейтаг обнимает светловолосую девушку за талию. Ее бабушка неотрывно следит за его рукой, в то время как девушка остается тихой и неподвижной.

Беседа возобновилась, когда Штраден внезапно поинтересовался позывным для дневных вылетов.

²⁴ Имеются в виду американские стратегические четырехмоторные бомбардировщики «Б-17» «Летающая крепость» («B-17» «Flying Fortress») и «Б-24» «Освободитель» («B-24» «Liberator»).

²⁵ Речь идет о лейтенанте Эрнсте Вильгельме Рейнерте из 2-й группы 77-й истребительной эскадры. К этому времени на его счету было уже 153 победы, в том числе в январе – мае 1943 г. в боях над Тунисом он одержал 51 победу, став самым результативным среди действовавших там пилотов люфтваффе. Всего к концу Второй мировой войны на счету гауптмана Рейне рта было 174 победы.

– Одиссей, – говорю я, – подходящее имечко, Одиссей.

– Все может случиться снова, – размышлял кто-то в темноте. – Сцилла и Харибда²⁶ отделяют нас от материка, и на севере мы будем пролетать над горами Цирке, – в конце концов мы можем даже быть выброшены на берег после длинного путешествия на плоту. Но я не думаю, что там нас будут приветствовать играющие в мяч девственницы²⁷...

²⁶ Намек на Мессинский пролив, отделяющий Южную Италию от Сицилии, поскольку считается, что Сцилла и Харибда – два чудовища из древнегреческой мифологии – жили на его скалах и губили всех проплывавших мимо мореходов.

²⁷ Упомянуется сюжет древнегреческой поэмы «Одиссея», повествующей о скитаниях царя Итаки Одиссея по Средиземному морю.

ТРАПАНИ, 25 ИЮНЯ 1943 Г

Вражеский налет на Мессину (200 самолетов). Тяжелые повреждения частного жилья, общественных зданий, казарм и других военных объектов. Хранилище топлива в огне, склад боеприпасов взорван. Железнодорожное сообщение между Палермо и Катанией прервано. Потери, сообщенные к настоящему времени: 62 убитых, 75 раненых. Военный дневник главного командования вермахта. 25 июня 1943 г.

Мы обнаружили тяжелые бомбардировщики в 160 км от Трапани. Они были справа у воды, скользя над гребнями волн в направлении Северной Африки. К этому времени мы израсходовали все наши боеприпасы, топлива оставалось мало. Это было то, что тревожило и стариков и новичков. Над нами было серо-синее небо. Я мог слышать отчаянные крики: «Мой бак почти сух – я утону!» Дневник гауптмана Кёлера из 1-й группы 77-й истребительной эскадры. 25 июня 1943 г.

В ходе оборонительного боя против бомбардировщиков, атаковавших Мессинский пролив, истребительные части провалили свою задачу. По одному пилоту из каждой истребительной группы будет отдано под трибунал по обвинению в трусости в боевой обстановке. Геринг, рейхсмаршал. Дневник гауптмана Кёлера из 1-й группы 77-й истребительной эскадры. 25 июня 1943 г.

Генерал²⁸ прибыл 24 июня и сразу выехал на командный пункт на горе Эриче. В привычной для себя лаконичной манере он попросил доложить о наших недавних действиях и выразил желание поговорить с командирами обеих групп и командирами их эскадрилий.

Рассевшись на табуретах и в шезлонгах перед баракком, они смотрели ему в лицо, когда он начал говорить. Он рассказывал о противовоздушной обороне рейха, о способах борьбы с четырехмоторными бомбардировщиками и о тактике. И когда он закончил, ни один из них не задал вопросов. Пока он говорил, выражения их лиц, словно быстрорастущее дерево, стали задумчивыми и скептическими.

Со словами «Очень хорошо – тогда до завтра» генерал поднялся и отбыл.

Толстяк разбудил меня в сумерках на рассвете. Я чувствовал себя опустошенным, поскольку спал мало, и в моих ушах еще звучали слова генерала: «Сближайтесь. Не открывайте огонь слишком рано. Заходите на них на встречном курсе в сомкнутом строю...»

Очень рано мы были уже готовы к вылетам. Предыдущим вечером с Сардинии перелетела истребительная группа Кудделя Уббена²⁹, 3-я группа моей эскадры, ее прилет совпал с прибытием группы Мейера³⁰ и одной группы эскадры «Туз пик»³¹. Теперь аэродром Трапани был переполнен «мессершмиттами», словно на авиашоу, и мы очень хорошо понимали, какие губительные последствия мог бы иметь внезапный налет.

²⁸ Имеется в виду инспектор истребительной авиации люфтваффе генерал-майор Адольф Галланд.

²⁹ Курт Уббен, который с 5.09.1941 г. по 10.03.1944 г. командовал 3-й группой 77-й истребительной эскадры. Он имел прозвище Kuddel, которое можно перевести как Путаник, так как оно, вероятно, было образовано от старонемецкого разговорного выражения Kuddel-Muddel – путаница.

³⁰ Гауптман Отто Мейер, временно исполнявший обязанности командира 2-й группы 27-й истребительной эскадры.

³¹ 2-я группа 53-й истребительной эскадры люфтваффе. Эскадра имела наименование «Туз пик» («Pik As»), и ее эмблемой был белый ромб с черным тузом пик.

Мы сидели перед баракком под оливковыми деревьями, в нескольких шагах от наших самолетов и от щели тоже, и вели пустые светские беседы, абсолютно не связанные с тем, что действительно каждый из нас думал. При этом мы все время настороженно прислушивались, не принесет ли утренний бриз угрожающий грохот двигателей.

Ночь не принесла свежести, а день обещал стать настоящим пеклом.

– Хорошо, парни, генерал собрался показать нам, как надо вести воздушный бой, – сказал Фрейтаг, – и это будет точно так же, как парад на партийном съезде.

– Куддель, ты когда-нибудь «Летающую крепость» видел вблизи?

– Нет, – ответил Куддель Уббен. – Я считаю, что это опасно. Они не скажут мне спасибо.

– Но генерал вчера вечером сделал это все так замечательно просто, – назидательным тоном школьного учителя заметил Фрейтаг. – Вы все еще сомневаетесь в том, что мы должны атаковать их на встречном курсе, снизу и с задней полусферы, или в фантастических вещах, которые делают синеглазые мальчишки из ПВО рейха? Он только забыл спросить, сколько из нас не умеют плавать.

– Вы все равно утонете, даже если умеете плавать. Если вы выпрыгнете на парашюте и не увидите землю, никто не сдвинется, чтобы подобрать вас.

Уббен кое-что знал о море. До того как перевестись в авиацию, где сделал быструю карьеру, он служил матросом на эсминце. Как и Гёдерт, он был одним из тех, на ком держалась эскадра.

Фрейтаг ударил рукой невидимую муху.

– Конечно, только вы не думаете об этом, – заметил он.

– Забавная вещь, – произнес Уббен, – как только я пересекаю побережье и удаляюсь от моря, мне всегда кажется, что мой двигатель шумит в два раза сильнее.

Слушая этих молодых гауптманов, было трудно вообразить, что они занимают важные военные посты. Но это был профессиональный стиль – стиль, который развился в ходе этой особенной войны. Командир авиационного подразделения, без сомнения, первым атаковал противника, но когда бой начался, никто не мог быть лидером, все становились просто пилотами, которые рассчитывают только на свои собственные силы в единоборстве с другим летчиком – одним из тех, кто присягал Англии.

Мейер был молод, ярок и мало отличался от Фрейтага с его известной беспечностью. Они оба принадлежали к особому типу летчиков, типу, родившемуся в успешные годы войны в воздухе.

Нежный утренний бриз покачивал деревья оливковой рощи, но не приносил никакой прохлады, воздух был влажным и липким – типичная погода сицилийского лета.

Я потерял счет тому, сколько раз сам с собой обсудил, как буду вести атаку. Мне не хватало опыта. Над Ла-Маншем, в ходе Битвы за Англию, я командовал эскадрилей. Я знал теорию управления большими группами истребителей, но никогда еще не делал это на практике. Если лидер летит слишком быстро, так, что все формирование растягивается в задней полусфере, начинается настоящий концерт, повторяющиеся запросы по радиотелефону от тех, кто отстает позади. Если же он летит слишком медленно, это означает, что во время виражей, – которые в любом случае должны выполняться плавно со скольжением, – внутренний пилот³² будет терять высоту из-за недостатка скорости.

Я задавался вопросом, смогу ли обеспечить целостность своего формирования к моменту перехвата четырехмоторных бомбардировщиков? Возможно, я должен буду атаковать на встречном курсе? А затем, конечно, возникали обычные мысли – те, что вы никогда не сможете подавить: убийственный ответный огонь с «Летающих крепостей», спуск на парашюте, резиновая спасательная шляпка...

³² Имеется в виду пилот самолета, находящегося ближе других к точке, относительно которой происходит разворот группы.

– Господин майор, – слышал я чьи-то слова, – только что приземлился оберст Лютцов³³, инспектор на Юге.

Последний раз я видел Лютцова на юге России. Летом 1942 г., когда началось наступление на Сталинград, моя группа была придана его эскадре. С тех пор мы стали друзьями. Едва выйдя из автомобиля, он закричал мне: «Я хочу быть здесь во время вашего первого большого оборонительного боя!»

Под оливковыми деревьями около барака были полукругом расставлены шезлонги. Мы сели в них и рассказали друг другу о том, что произошло с нами после последней встречи. Нельзя было представить летчика-истребителя, ожидающего команды на взлет, без этого предмета мебели. Сколько часов я провел в шезлонге с начала войны? Это началось на Западе, в ходе «сидячей войны» с Францией, когда мы лишь иногда гонялись за разведывательными самолетами, – абсолютно безопасное занятие по сравнению с тем, что мы делаем теперь. Но начиная с того времени мы были почти в постоянном состоянии готовности, и если не в «кабинной готовности», сидя в своих самолетах, то в шезлонгах рядом с ними. День кажется очень длинным, когда тратишь его на ожидание и нечем занять голову, кроме войны в воздухе.

Сегодня, впервые после Битвы за Англию, я ощущал ту же самую гнетущую атмосферу, что поражала нас тогда. В августе и сентябре 1940 г. мы обычно были в состоянии готовности уже на рассвете. После завтрака, который у большинства застревал в глотке, пилоты собирались перед штабом, баракон Ниссена на краю аэродрома. Бледные и невыспавшиеся, молодые, почти мальчишки, они молча стояли, прислонившись к стене барака, или подпирали коленями капот «кюбельвагена»³⁴. Иногда кто-то бросал короткое замечание о погоде или предстоящем вылете. В сумерках мерцали огоньки сигарет. Наши брюки из плотной ткани, щедро снабженные карманами, были известны как «штаны Ла-Манша». Поверх кожаных курток мы надевали желтые спасательные жилеты, к которым было пристегнуто различное снаряжение, предназначенное для того, чтобы дать нам больше шансов на спасение в случае, если придется покинуть самолет: пакет с краской, окрашивающей воду в ярко-желтый цвет, неуклюжий сигнальный пистолет «Вери», патроны к нему, сигнальный фонарь и аварийный запас продуктов. И каждый из нас щеголял в желтом шарфе, изношенном от частого употребления. Отчасти это было щегольство, но он оказывался необходим, когда вы падали в море и хотели привлечь внимание своих спасательных гидросамолетов или британских скоростных катеров – с неизбежным пленом как условием спасения.

Затем принималось решение о вылете, о времени, о порядке взлета эскадрилий, о боевом порядке, который они должны сформировать. Если же метеоусловия над Британскими островами задерживали нашу отправку, мы подвергались испытанию ожиданием в шезлонгах во мраке баракон Ниссена около пункта рассредоточения эскадрильи. Разговоры очень быстро затихали или превращались в неясный ропот. Большинство пилотов, прикрыв глаза, дремали или притворялись спящими. Звонок полевого телефона действовал на нас подобно удару током: ну наконец-то! И если звонок был всего лишь сводкой погоды или стандартным запросом о состоянии самолетов, многие проклинали телефон, как инструмент пытки, продлевавший агонию пассивного ожидания, возможно, на минуты, а возможно, на часы. И все снова обосновывались в удобных шезлонгах, в которых можно было, по крайней мере, физически расслабиться.

Именно к таким шезлонгам в тени оливковых деревьев я вел Лютцова. Ветераны с пестрым прошлым, они были наиболее ценными предметами в нашем багаже. Их веселая полосатая обивка мирных дней давно расползлась и была удалена. Теперь их деревянные каркасы,

³³ Гюнтер Лютцов, имевший прозвище Францл, находился в подчинении у генерал-майора Галланда и занимал должность инспектора дневной потребительной авиации люфтваффе. В июне 1943 г. Лютцов вместе с Галландом прибыл на Сицилию и в следующем месяце был поставлен во главе всех истребительных частей люфтваффе в Италии.

³⁴ Немецкий военный автомобиль-вездеход «Kubelwagen», которого из-за формы корпуса чаще называли «ковшом».

отполированные постоянным контактом с человеческой кожей, были обтянуты крепким серым палаточным холстом.

– Сегодня ваш большой шанс, – сказал Лютцов. – Во время атаки вы должны держаться друг к другу близко и отклонять любые мысли о столкновении со «спитфайрами». «Крепости» подобны флоту линкоров, и вы можете добраться до них, только если прорываетесь через их заградительный огонь компактной фалангой.

– Ради бога, Францл, – вставил я замечание, – избавьте меня от благоговейных речей! И так день за днем сверху на наши головы дождем сыплются советы и инструкции. Генерал то и дело ставит нам в пример храбрых пилотов ПВО рейха. Он также сообщает нам, что рейхсмаршал имеет чрезвычайно низкое мнение о летчиках-истребителях, воюющих здесь, на Юге. Фактически наши рассуждения о слабости достигли той стадии, когда единственной реакцией ребят будет сарказм и они просто не будут больше слушать. Вы должны помнить, что они больше не группа молодых героев, которые рискуют жизнью, не задумываясь ни на секунду. Но они не теряют и мужества. Горстка их пережила Битву за Англию, и с тех пор они без передышек были в боях и вели их смело и хорошо. Когда подходит чья-то очередь уйти, его место занимает менее опытный человек. Но новички имеют мало шансов пройти через этот ад. Они недостаточно обучены, и немногие из них переживают первое критическое время.

– Вы там не знаете, как ужасен этот театр. Это главным образом вода, и в конечном счете она добирается до всех нас. Мы открыты врагу и не имеем никакого прикрытия. Они сотрут нас, держа на земле и уничтожая наши стоянки и мастерские. Вы, используя любую возможность, случайно, не верите в тевтонского сверхгероя, который после бомбежки вылезет из земляной щели и, отряхнув пыль со своих ног, поднимется на стальных крыльях в ледяные небеса, чтобы сеять опустошение среди «Летающих крепостей»?..

В этом месте я понял, что скатился до непочтительной манеры разговора Фрейтага. Лютцов, казалось, был такого же мнения, поскольку посмотрел на меня долгим, проницательным взглядом. Какое-то время он молчал, затем внезапно, как будто с его глаз упала пелена, спросил:

– Да, но каким образом это все закончится здесь?

– Как раз об этом я хотел спросить у вас!

Опять наступила тишина. Что-то, вероятно, его сдерживало, прежде чем он продолжил:

– Сегодня перед вылетом из Рима я был на оперативном совещании у главнокомандующего на Юге. Этой ночью англичане бомбили Вупперталь. Свыше 10 тысяч зажигательных бомб вызвали сплошные пожары на расстоянии от 3 до 5 километров. В то же самое время были атакованы Дюссельдорф, Нойс, Мёнхенгладбах и Золинген...

– И вы полагаете, что мы сможем остановить это систематическое разрушение нашей родины?

– Генерал³⁵ давно и безуспешно просит больше истребительных эскадр. Но они не могут возникнуть из воздуха. С тех пор как стало ясно, что эти четырехмоторные бомбардировщики действительно настоящие крепости, которые можно взять лишь поодиночке, были выдвинуты несколько нелепых предложений, как бороться с ними. Вы скоро будете получать из армии ракеты – их называют «Небельверфер». Это крупнокалиберные ракеты, которые по одной устанавливаются под каждым крылом³⁶. Их выстреливают так, чтобы они взорвались в центре боевого порядка бомбардировщиков противника и заставили их рассеяться. После того как круговая оборона «Крепостей» будет нарушена, их можно без труда уничтожить. Другие пробуют сбрасывать сверху на их соединения крупные бомбы с таким расчетом, чтобы они взрывались на той же высоте, где находится противник. Задумка состоит в том, чтобы разом уничтожить

³⁵ Здесь и далее имеется в виду инспектор истребительной авиации люфтваффе генерал-майор Галланд.

³⁶ Речь идет о неуправляемых ракетах «WGr.21» калибра 210 мм.

целую группу самолетов или, по крайней мере, рассеять ее. Но очень трудно занять правильную позицию выше «Крепостей». Ваша высота должна быть рассчитана с абсолютной точностью, так как бомба имеет взрыватель с таймером и совершенно неэффективна, если взрывается не на нужной высоте.

– Без сомнения, истребители сопровождения недолго будут попадаться на эту уловку и удостоверятся, что воздух над потоком бомбардировщиков чист.

– Точно. Иное дело – крылатые бомбы, буксируемые истребителями при помощи стального троса. Они, как предполагается, разорвут «Крепости» на части или хотя бы вызовут переполюх и упадок духа. Никогда нельзя заранее наверняка сказать, окажется ли любое из этих изобретений полезным или лишь частью прочей бессмыслицы. Но фронтальный удар – атака с близкой дистанции на встречном курсе – вызывает панику среди экипажей бомбардировщиков и сокращает бой до одиночных столкновений. Сегодня это классическое начало сражения.

– При условии, что истребители позволят вам приблизиться...

– Да, при условии, что истребители позволят вам приблизиться. И при условии, что вы сумеете вывести свое формирование в плотном строю туда, где получите достаточно пространства и высоты, чтобы атаковать их спереди и сверху. Часто есть только секунды между моментом вашего перехода в пикирование и столкновением. И конечно, при этом сумасшедшем маневре скорость вашего сближения равна сумме ваших скоростей. Силуэты четырехмоторных бомбардировщиков вырисовываются на вашем лобовом стекле, словно на ускоренной киноплёнке. В вашем распоряжении всего несколько секунд, чтобы открыть огонь из пушек. Вы должны целиться в стеклянный фонарь кабины «Крепости», и в это же время все ваши парни должны стрелять как безумные. После этого вы уходите резко вверх или, наоборот, пикируете далеко вниз. Затем можете действовать по собственному усмотрению, поскольку ваше формирование будет рассеяно по всему району. Это время, чтобы самостоятельно атаковать и сбивать «хромых уток», у которых заглохли двигатели или позади белые шлейфы струящегося из них бензина.

– Но это все здесь будет по-другому, Францл. Этот остров подобен авианосцу без двигателей. Они могут приближаться к нему с любого направления и лететь домой на любой высоте, на какой захотят. Единственные места, где мы имеем какую-нибудь зенитную артиллерию, – это окрестности портов и аэродромов и по обоим берегам Мессинского пролива.

– Это так. Полет короткий, и весь остров в пределах досягаемости истребителей с Пантеллерии и Мальты.

– С тех пор как они взяли Пантеллерию, их истребители появляются уже к завтраку. Эта сдача была прекрасным шоу. И заставляет задуматься о том, какая судьба уготована Сицилии. Я был там, на Пантеллерии, в апреле, и после того, как приземлился в Марджане, на единственном аэродроме, комендант приложил изрядные усилия, чтобы создать впечатление решительных намерений. Пока мы ходили вокруг убежищ и огневых позиций в скалах да пили кофе в его облицованной деревянными панелями комнате, он с великолепной уверенностью рассуждал о неприступности острова. У него была подвижная голова, болезненного цвета лицо с темными кругами под глазами. Я еще помню, что, посмотрев на никотиновые пятна на его пальцах, отчетливо увидел, как у него нервно подрагивают руки. А между тем он потрясюще разливался о бодрости духа, храбрости и братстве по оружию. В то время как я садился в свой самолет, он салютовал мне, стоя, точно бронзовая статуя, между двумя карабинерами с красными перьями на шлемах. А затем он сдал остров без единого выстрела.

Лютцов спокойно выслушал мою тираду и вернулся к главному вопросу:

– Это будет трудное время для всех вас. Генерал реалист. Вы сможете убедиться, что он в последнюю очередь думает, будто вы не показываете ваших лучших...

Три выстрела из зенитных орудий заставили его замолчать. С востока, из-за горы Эрриче, послышался все возраставший рев двигателей. Пока мы бежали к щели, засвистели бомбы –

мерзкий звук. Я нырнул в траншею, приземлившись на спину летчику, добравшемуся туда быстрее меня. В течение нескольких секунд щель была полна. До нас доносился ужасный грохот взрывов. Группы одна за другой сбрасывали свои бомбы так, что следовавшие с определенным интервалом серии взрывов грохотали все ближе. Каждый из сидящих в траншее затаил дыхание, надеясь, что следующая бомба упадет далеко в стороне.

Рядом с собой я увидел Лютцова. По тонкому слою пыли, покрывавшему его лоб, сочился пот, собираясь в темные ручейки. Мы прижались лицом к земле, поскольку взрыв рядом с нами почти разорвал наши барабанные перепонки и поднял облако пыли, заполнившее траншею. Теперь звук двигателей стихал, и через мгновение или два наступила полная тишина, которая почти сразу была нарушена стонами раненых, криками команд и призывами санитаров-носильщиков.

– Чертовски хорошо генералу, – выругался Лютцов, – сидящему там на своей горе³⁷, среди телефонов и раций, и наблюдающему, как мы проходим через эту мясорубку...

– Нет абсолютно никакого сравнения, Францл. Вторая волна может появиться в любой момент, так что мы тоже могли бы остаться в этом восхитительном месте и продолжить наше осуждение наступательной тактики применительно к «Летающим крепостям».

Единственным ответом на мое саркастическое замечание стало добродушное «Замолчи!». К этому моменту пыль осела. Посмотрев вверх, я увидел глубокое синее небо и ветви оливковых деревьев. Где-то слышалось «поп-поп» взрывающихся боеприпасов в горящем самолете.

– Пошли, позвоним по телефону генералу и спросим, есть ли у него для нас еще сюрпризы, подобные этому.

– Да, – ответил Лютцов, – давай так и сделаем.

Мы поднялись и, подтянувшись до уровня земли, на мгновение присели на край, спустив ноги в траншею, готовые в любой момент нырнуть в нее снова. Группы людей уже сновали между деревьями и бараками, словно ничего не случилось. В солнечных лучах вспыхивали осколки выбитых взрывами стекол. Недалеко два техника, уперев руки в бока, молча рассматривали жалко выглядящий «Мессершмитт-109», накренившийся из-за разрезанной на полоски шины. Его фюзеляж и кабину прошили неисчислимы осколки разорвавшейся рядом бомбы. Из пробитых топливных баков капал бензин и сразу же впитывался в землю.

Теперь мы днями занимались устранением последствий работы бомбардировщиков, и общая апатия по отношению к утрате нашего боевого потенциала начала принимать тревожный характер.

Техники вынули из кабины парашют и стали искать повреждения. Пилот этого самолета получит новую машину, если служба снабжения примет меры по быстрейшему выполнению наших заявок. После полета он скажет другим: «Она очень быстрая» или «Она имеет отличный двигатель», но любые личностные отношения между человеком и машиной уже давно прекратились.

В начале войны мы имели обыкновение давать нашим самолетам имена, – обычно имена девушек, – которые тщательно рисовали на фюзеляжах. В ходе Битвы за Англию началось внезапное помешательство относительно того, что обшивка самолета должна быть максимально гладкая. Мы хотели уменьшить сопротивление воздуха и летать быстрее, так как выяснили, что не только у нас были хорошие самолеты. Это продолжалось до тех пор, пока несколько изобретательных умов не вычислили, что от этого нет никакой пользы, так как дополнительный вес содержимого компенсирует любую прибавку скорости. До недавнего времени большинство наших ветеранов обозначали свои победы на рулях направления своих самолетов. Но с тех пор как мы возвратились на Сицилию, наши передовые мастерские, которые находились

³⁷ Имеется в виду упоминаемый выше командный пункт 77-й эскадры на горе Эроче.

в больших палатках около аэродрома, не наносили на фюзеляжи ничего больше, чем тактические номера высотой 90 сантиметров, возможно также добавляя эмблему эскадры – красное сердце. Это было все, для больших фривольностей не оставалось времени. В предыдущие дни мы получили и начали использовать несколько самолетов, переданных нам базой снабжения в Бари. Подобно маложивущим насекомым, одни из них не сумели пережить вылеты, в то время как другие умерли на земле, прежде чем даже смогли подняться в воздух.

– Это был мой самолет, – сказал я. – Ему только пара месяцев. У него хороший двигатель, да и вообще прекрасная машина. Я в некотором роде любил его...

– Что нам делать, господин майор? – спросил мой старший техник.

– Пусть инженер-механик подберет лучшую машину в одной из эскадрилий. Повторно уложите мой парашют, и побыстрее.

Писарь эскадры доложил, что связь с командным пунктом прервана. Спустя короткое время перед баракком остановился «кюбельваген», водитель которого передал мне распоряжение генерала немедленно связаться с ним по телефону с командного пункта 1-й группы, где линия все еще действовала.

В 1-й группе перед моими глазами предстала мрачная картина. В тени барака санитары складывали рядами наземный персонал, который был поражен осколками бомб, пока прятался в щелях. Врач группы склонился над одним из раненых. Когда я подошел, он поднялся и посмотрел на меня, не сказав ни слова. Бомбы перерыли откос, находившийся сразу после пункта рассредоточения.

– Сожалею, что не смог предупредить вас заранее, – сказал генерал. – Мы не знали, что «мародеры» были уже в пути. Они летели так низко над морем, что наши пеленгаторы не засекли их. У вас есть хоть какие-то сведения о понесенных потерях?

– Нет, господин генерал-майор.

– Вы должны как можно быстрее подготовиться к взлету. Служба радиоперехвата сообщает о большом числе проверочных сообщений с бомбардировщиков в Тунисе. Я ожидаю большой удар.

– Господин генерал-майор, разве нас не предупредят, как только они отправятся?

– Конечно, Штейнхоф, наши радиооператоры попробуют немедленно их засечь, но без большой надежды на успех. Как только бомбардировщики настроят свои рации, они соблюдают радиомолчание. Ремонтная команда должна немедленно ликвидировать разрыв линии, ведущей к вашему командному пункту.

Я вернулся в барак эскадры и шлепнулся в свой шезлонг. Снова ожидание. Вскоре телефонная связь с генералом была восстановлена. Все разговоры прекратились, жара действовала усыпляюще. Каждый раз, как в бараке звонил телефон, мы напрягали мускулы и задерживали дыхание.

Наконец, генерал вышел на связь и сказал мне, что наши пеленгаторы засекли к северу от острова соединение бомбардировщиков, летевшее в направлении Неаполя. Было уже слишком поздно пытаться перехватить их сейчас, но он собирался поднять мою эскадру в воздух, чтобы атаковать их, когда они будут возвращаться обратно. Он сказал, что у нас есть один час для этого.

Один час! Я вызвал по телефону своих командиров, Уббена, Фрейтага и Мейера, и сообщил им о новой ситуации.

– У вас есть хорошие шансы, – сказал Лютцов. – Они не ожидают атаки на обратном пути; их боевой порядок не будет таким плотным, так что с ними легче иметь дело.

Фактически я не слушал его, поскольку мои мысли были уже заняты вылетом. Я понимал, что нужно показать им, что мы еще в порядке и не сломлены... Следовательно, надо действовать с большой осторожностью. Сначала я намеревался собрать своих людей на аэродроме на совещание, что было обычной нормой перед вылетом.

Заканчивались последние приготовления. Повсюду шли работы на поврежденных самолетах, их заправляли и перевооружали. Внезапно посреди этого поступил приказ генерала на старт:

– Штейнхоф, взлетайте немедленно. Бомбардировщики направились на юг и напали на порт Мессины. Вы должны спешить, если собираетесь догнать их...

– Взлет по тревоге! – закричал я писарю командного пункта. – Дайте им зеленый!

В который раз началась доведенная до автоматизма процедура подготовки к бою. Несколько двигателей уже заработали. Техники запустили мой новый самолет и теперь помогали мне. Я вырулил и ждал свое штабное звено.

Рулежка, увеличение оборотов двигателя, проверка зажигания. Взгляд назад. Спасательный жилет с плотным капковым воротником затрудняет поворот головы; кислородная маска качается туда-сюда на уровне подбородка. Везде, куда я смотрю, облака пыли. Штраден и Бахманн заняли позицию. Я машу рукой – подтверждение: готов к взлету.

Как только я отпустил тормоза и передвинул вперед рычаг дросселя, в сотый раз восхищаясь одной и той же рутинной процедурой, ко мне пришло непреодолимое чувство свободы, которая должна принести нам встречу с врагом и разрушить нашу напряженность. С двигателем, вибрирующим на максимальных оборотах, мои колеса оторвались от земли. Следующая задача, стоявшая передо мной, – осторожное выполнение плана, разработанного, чтобы собрат над аэродромом эту вереницу из ста истребителей. Этот план, который требовалось исполнять неторопливо, все же было жизненно необходимо ускорить, поскольку мы не хотели впустую тратить топливо. Мое намерение состояло в том, чтобы встретить бомбардировщики широкой фалангой, летящей на разных высотах. Я убрал газ, шасси и закрылки и начал плавный разворот с набором высоты вокруг горы Эриче, чтобы истребители могли сформировать назначенный боевой порядок.

Затем я установил радиосвязь с командным пунктом:

– «Одиссей-один» – «Орлу», слышу вас громко и ясно. Конец.

Теперь микрофон взял сам генерал:

– «Мебельные фургоны» отходят. Координаты: два «А», два – два «К»³⁸. Направление: ноль – два – пять.

Делая широкий левый поворот, я позволил 2-й группе занять позицию позади себя. Продолжая набор высоты, сделал еще один круг над горой Эриче, затем пересек северное побережье острова на высоте 3000 метров. Выше и сзади мое соединение собралось в боевой порядок. Подобно огромному дракону, треугольник из ста самолетов направлялся на север. Я приказал соблюдать радиомолчание до того момента, пока мы не перехватим противника, и шипение в наших наушниках прерывалось лишь приказами и сообщениями о его последней позиции.

Тем временем на командном пункте микрофон снова взял генерал. Его голос был ясным, речь – размеренной и почти безразличной. Его спокойствие передавалось сотне людей, которые летели в бой в состоянии сильного нервного возбуждения. Успех прямо зависел от аккуратного и дисциплинированного использования радиосвязи до самого момента перехвата. Но если этого достаточно трудно было достигнуть даже в небольшой группе, которая ежедневно вместе летала и вела бой, то насколько тяжелее обстояло дело в массивном соединении, собранном случайно? Один неконтролируемый возглас предупреждения, единственное сообщение, которое выпаливают не подумав, могли расстроить все формирование, поскольку паническая нервозность даст себя знать и наша длина радиоволны будет наводнена не поддающейся контролю болтовней.

³⁸ При переговорах немецкие пилоты использовали условный код, чтобы затруднить работу службы радиоперехвата противника. Кодовые слова в различных эскадрах могли несколько отличаться. В данном случае «мебельные фургоны» означает «тяжелые бомбардировщики», а «А» и «К» – обозначения квадратов на карте секторов, использовавшейся в истребительной авиации люфтваффе.

Генерал заговорил вновь:

– «Одиссей», поворот на ноль – три – ноль, «мебельные фургоны» на 6000 метров, направление – запад.

– Сообщение получено.

Море можно было увидеть, лишь посмотрев вертикально вниз. Я ненавидел такую погоду, – называемую синоптиками областью высокого давления, – которая характеризовалась заметным уплотнением тумана. В таких условиях с большой высоты удавалось разглядеть лишь контуры пейзажа, а кроме них, ничего, что указывало бы положение, никаких установленных контрольных точек, земля, небо и море сливаются в темно-синем тумане. Глаза напрягаются в попытке что-нибудь разглядеть через это небытие, возвращаясь через короткие интервалы к приборам, единственным надежным источникам информации. В этом «киселе» было практически невозможно вести большое соединение истребителей.

– «Одиссей», вектор два – девять – ноль, «ангелы» – четыре и девять³⁹.

Очень плавно изменяю курс. Оглянувшись, вижу позади силуэты самолетов, перекрывающие друг друга и изменяющие позиции в очевидном беспорядке, пилоты прилагают усилия сохранить формирование, расходуя слишком много топлива.

В стеклянной трубке около моего левого колена начали расти воздушные пузырьки – признак того, что подвесной топливный бак под фюзеляжем пуст. Прошел целый час летного времени!

В наушниках снова звучат спокойные слова команды:

– «Одиссей», курс два – восемь – ноль. «Мебельные фургоны» теперь, возможно, на малой высоте, так как «Фрейя»⁴⁰ потеряла контакт.

Немедленно все глаза обратились вниз, пытаюсь проникнуть сквозь туман, но все, что можно было заметить между крылом и фюзеляжем, – это небольшой клочок моря с белыми гребнями волн.

К этому времени мы, вероятно, были больше чем на полпути между Сицилией и южной оконечностью Сардинии. Самолеты позади меня демонстрировали все увеличивающуюся тенденцию вертикальных перемещений – верный признак возрастающей нервозности пилотов, поскольку каждый из них все острее и острее чувствовал свое одиночество в одноместном истребителе.

Словно предвидя, что у нас теперь нет практически никаких шансов на успешный перехват, я начал надеяться на то, что мы вообще не найдем бомбардировщики. Я не собирался оставаться на этом курсе больше 10 минут, по истечении которых нехватка топлива заставит нас повернуть обратно. В наибольшей опасности были самолеты на внешних флангах соединения; чтобы сохранить свое место в строю, они должны были преодолевать большее расстояние, всякий раз, когда я менял курс, что подразумевало, что они часто летели на форсаже и максимальных оборотах, расходуя при этом драгоценный запас топлива для боя.

Соединение уже сильно растянулось. На 3000 метров туман был исключительно плотным, и когда я оглядывался, то видел в небе лишь группу Фрейтага. Другие были проглочены мраком.

– Говорит «Одиссей», сомкнуться! Сомкнуться!

– Пожалуйста, уберите немного газ, мы расходует слишком много топлива – надо поворачивать обратно...

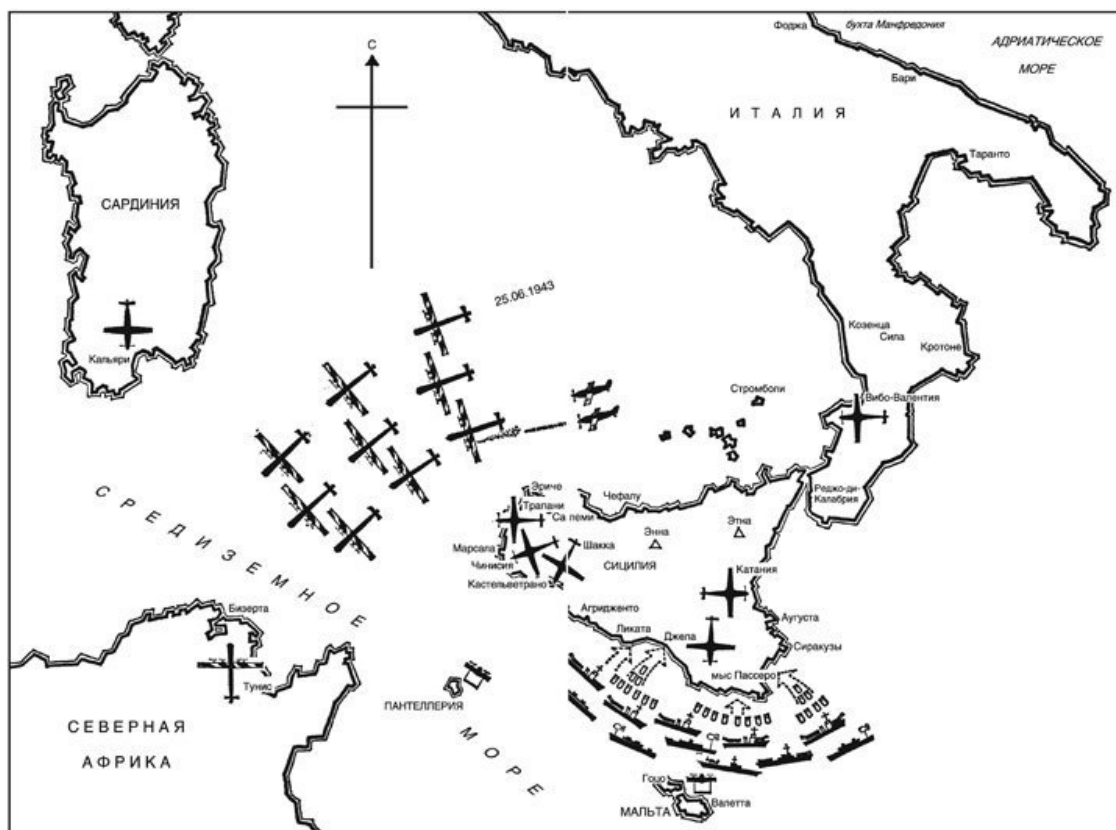
Когда работала рация, пилоты чувствовали себя не столь угнетенными одиночеством, имея возможность разговаривать друг с другом и слышать собственные голоса. Их тон был

³⁹ «Ангелы» – условный код для радиопереговоров, обозначающий высоту полета в тысячах метров.

⁴⁰ Радиолокационная станция FuMG80 «Freya». Дальность ее действия зависела от высоты полета цели и месторасположения самой РЛС. Самолет, летевший на высоте 50 м, она могла засечь на дальности 20 км, а на высоте 8000 м – на дальности 120 км.

само хладнокровие, за которым, конечно, маскировалось чрезвычайное внутреннее напряжение, поскольку каждый из них ждал первый доклад об обнаружении врага, восклицание «Вижу!» или «Они там!». Каждый раз потрескивание радиации, предшествующее словам, заставляло их вздрагивать.

– «Мебельные фургоны» прямо под нами – прямо под нами, большое количество, направляются на запад!

Это был голос Кёлера – его произношение нельзя было спутать ни с каким другим. Он говорил так громко, точно намеревался привести в готовность каждого, кто его слышал. Наэлектризованный, я посмотрел вниз, на серое море под собой, и тоже увидел их: поверхность внезапно стала пестрой от странных светло-коричневых пятен. «Летающие крепости» с верхними поверхностями, выкрашенными в желтый, пустынный цвет, четко выделялись на фоне серебристо-серого моря. Они летели очень низко и быстро, крылом к крылу над волнами. Я мог видеть их лишь в секторе между собственным крылом и капотом двигателя; в других секторах они были скрыты туманом. Они летели к Северной Африке курсом, противоположным нашему. Были интервалы между эскадрильями из девяти, возможно, двенадцати самолетов. Гребни средиземноморских волн походили на своеобразный ковер, медленно прокручивавшийся под ними.

Я знал, что времени для тщательно рассчитанного тактического маневра нет, и был вынужден начать атаку из неблагоприятной позиции без промедления, независимо от того, следовало мое соединение за мной или нет. Оставалась еще маленькая надежда на команды по радио! Когда я пикировал в направлении левого фланга бомбардировщиков, крики и шум в наушниках достигли такого уровня, что я смог различать лишь отдельные слова или фразы.

- Вижу «Мебельные фургоны», очень низко, их множество!
- Поворачиваю обратно...
- Оставайтесь там, оставайтесь там!

1800 метров. Скорость «Мессершмитта-109» стремительно растет. Чем больше я снижался, тем быстрее, казалось, перемещались бомбардировщики. Штраден, Бахманн и Бернхард следовали за мной, сохраняя правильную позицию. 900 метров!

Внезапно между вражескими эскадрильями возник промежуток. Я должен был еще снизиться, чтобы оказаться на той же высоте, что и бомбардировщики. Перекачивающиеся волны теперь были в считанных метрах ниже меня. Растянувшаяся шеренга огромных самолетов приближалась с невероятной скоростью. Я пристально смотрел через лобовое стекло, держа светящийся зеркальный прицел на самолете в центре формирования. «Вы должны целиться в застекленную кабину „Крепости“...» Точно не знаю, когда открыл огонь, – в нужный момент для этого, должно быть, автоматически сработал мой большой палец на ручке управления. На этой последней фазе атаки все внезапно стало похоже на хорошо знакомое упражнение. Я вывел свой «Ме» на ту же высоту, что и бомбардировщики, как если бы делал это сотню раз прежде. Моя задача состояла в том, чтобы засыпать сверкавший фонарь кабины градом выстрелов. Искривляющиеся траектории светящихся трассеров понеслись из пулеметов к гигантскому бомбардировщику, рассекая синий туман. Светящееся перекрестье моего прицела вздрагивало от «поп-поп-поп» пушек. Вспыхивающие прозрачные панели были четко видны, и затем я должен был резко дернуть машину вверх, перегрузка вдавила меня в кресло. Запас скорости позволил мне уйти значительно выше бомбардировщиков. У меня во рту пересохло, и слюна стала горькой на вкус. Кабина наполнилась запахом кордита⁴¹. Выполняя вираж, я заметил, что мое собственное, штабное звено распалось. Посмотрев назад, я увидел высокий белый столб воды, поднявшийся в том месте, где упал бомбардировщик.

Радиоэфир был заполнен гвалтом. Приказы и ободряющие возгласы смешивались с истерическими воплями начинающейся паники:

- ...Курс на Трапани, пожалуйста, я нахожусь на...
- У меня топливо кончается!
- Пожалуйста, позицию Трапани!

Фрейтаг и его группа, должно быть, последовали за мной вниз в атаку на бомбардировщики, поскольку я мог слышать обрывки боя:

- Подходим ближе, подходим ближе...
- Сбрось подвесной бак!
- Выравнивай!

Но в то же время увеличивалось число сообщений о нехватке бензина и необходимости отхода. Мой собственный топливный расходомер показывал, что в моем распоряжении 20 минут летного времени. Сквозь туман я набрал 3000 метров и теперь уже в одиночестве повернул на курс, который, как я определил по компасу, должен был вывести меня обратно к острову.

Только сейчас я начал понимать, что произошло. К несчастью, мы натолкнулись на бомбардировщики в последнюю минуту. Не было никаких инструкций относительно тактики, применяемой при нападении на низко летящие «Крепости». Ничто, абсолютно ничто не благоприятствовало нашей атаке.

Бомбардировщики растаяли в тумане. Внезапно я снова впал в состояние беспокойства, которое всегда охватывает тех, кто в одиночку летает над морем. Я тревожно вслушивался в звук работы двигателя, снова и снова рассчитывал курс и полетное время, пристально всматриваясь в серо-синюю стену впереди, из которой должна была скоро появиться гора Эрриче.

К этому моменту истерический шум на нашей длине радиоволны стал непереносимым, и меня охватил гнев.

⁴¹ Кордит – бездымный порох, использовавшийся в патронах и снарядах.

– «Одиссей-один» всем пилотам «Одиссея», – вызвал я, – закрыть рты. Ваш курс один – три – ноль.

Поскольку бледно-синий сужавшийся конус горы Эриче, словно маяк, поднялся из тумана, я был способен помочь одиночным «мессершмиттам», которые, словно слепые, пытались достигнуть острова. Паника спала, и теперь лишь изредка кто-нибудь запрашивал курс для возвращения домой.

Возвращавшиеся самолеты один за одним кружили над аэродромом Трапани. Я наблюдал за их посадкой и рулежкой и видел пылевые вихри, которые они поднимали, разворачиваясь на стоянках.

Едва выключив двигатель, я осознал, что мы потерпели поражение. До этого момента я подавлял эту мысль и даже тогда, вопреки здравому смыслу, еще продолжал надеяться, что мы смогли сбить несколько «Крепостей», хотя это казалось маловероятным. В радиии не было слышно никаких признаков успехов, и ни один из самолетов, приземляясь после меня, не качал крыльями, традиционным способом объявляя о воздушной победе.

Бахманн и Штраден стояли около моей машины, когда я открыл фонарь. Я снял шлем и вытер пот со лба. Здесь, на земле, на меня снова напала невыносимая жара. Моя рубашка под спасательным жилетом прилипла к телу.

Когда я спрыгнул с крыла, Штраден схватил мою руку, поздравляя.

– Вы разнесли кабину того «боинга» в щепки, господин майор, – сказал он. – Я чудом не влетел в водяной смерч. Он врезался прямо в воду, и обломки полетели в воздух на десятки метров.

– Вы видели других сбитых?

– Нет, отход уже начался, и атака была невозможна.

– Фрейтаг и его группа открыли огонь?

– Они перехватили – я слышал по радио, но добились ли чего-нибудь?..

– Бахманн, я хочу видеть командиров групп, как только они приземлятся.

– Хорошо, господин майор.

Когда я подошел к бараку, со ступенек поднялся Фрейтаг.

– Замечательная была неразбериха, – сказал он.

– Что, ваша группа никого не сбила?

– Нет, никого. Я потерял вас из виду в тумане и только затем увидел бомбардировщики. Так что мы должны были атаковать с задней полусферы. Мы все испортили, по-настоящему испортили. Очевидно, две другие группы вообще не нашли бомбардировщики.

– Все ваши пилоты приземлились?

– Все, кроме двух унтер-офицеров. Я слышал аварийный вызов вскоре после того, как мы атаковали. Заградительный огонь был действительно мощным. Мы летели на той же высоте, что и бомбардировщики, и град трассеров полетел в нашу сторону, едва мы оказались в пределах досягаемости.

Уббен по телефону сообщил о возвращении своей группы. Он сказал, что увидел «Крепости», когда уже повернул обратно; преследование их сделало бы возвращение в Трапани невозможным.

Вскоре после этого Мейер также сообщил о безуспешной атаке: они атаковали из невыгодной позиции и вернулись на последних каплях топлива. Двое из его пилотов пропали без вести.

Момент спустя меня вызвал на связь генерал.

– Господин генерал-майор, докладываю о возвращении эскадры из вылета, – сказал я. – Мы обнаружили четырехмоторные бомбардировщики в последнюю минуту, в 160 километрах к северо-западу от Трапани. Было уже слишком поздно для запланированной атаки, многие

пилоты уже повернули назад из-за нехватки топлива. Пока я могу сообщить только об одной сбитой «Крепости»...

На другом конце провода повисла длинная пауза. Наконец послышалось:

– Но я заранее сказал вам, что они ушли вниз. Это невозможно – сотня истребителей и лишь один сбитый враг...

Залпы 88-миллиметровых зенитных пушек сотрясли тонкие деревянные стены барака и вызвали паническое бегство в противоздушную щель. Телефон упал на деревянный пол, и, пока я бежал к двери, а потом к укрытию, слышал гул двигателей, смешанный с грохотом зенитной артиллерии. Там, как будто был в траншее все это время, уже сидел Лютцов, вжавший голову в плечи. Он посмотрел на меня и поднялся, позволяя мне спуститься.

Прижавшись друг к другу, мы молча лежали на земле, в то время как свист и вой падающих бомб продолжал смешиваться с разрывами зенитных снарядов. Когда все стихло, я встал и поглядел вверх края траншеи. Хотя я чувствовал себя угнетенным и измотанным, не смог удержаться от саркастического вопроса:

– Вы сидели здесь, Францл, все время, пока мы вели наш «большой бой»?

– Не будьте задницей. Я следил за всеми действиями по радио. Плохо, очень плохо. Он кипит от гнева. Действительно абсолютно ничего нельзя было сделать?

– Нет, – ответил я, – абсолютно ничего.

– Но вы нашли бомбардировщики, и при них не было даже эскорта истребителей...

Я почувствовал легкий упрек, даже при том, что мои силы были на исходе, резко повернулся к нему и раздраженно сказал:

– Я отвечу перед генералом за все, но добьюсь, чтобы вы, наконец, поняли, что планы, рожденные в ваших головах, которые мы пытаемся осуществить, невыполнимы.

Я намеренно связал его с генералом в этом последнем замечании, а затем сказал то, от чего испытал удовольствие, когда слова слетали с моих губ:

– Если хотите почувствовать вкус воздушного боя здесь, лучше поднимитесь наверх, когда бомбардировщики появятся в следующий раз.

– Мне жаль, – вздохнул Лютцов, – искренне жаль. Я не хотел упрекать вас. Но, мой бог, каким образом все это прекратить? Чем все закончится?

В этот час на дороге, ведущей к горе Эриче, было интенсивное движение. Поскольку местное население приобрело привычку проводить дневные часы вдали от опасных зон города и аэродрома, теперь двуколки с осликами, телеги с мулами и женщины с узлами на головах спешили назад, в Трапани. Ночью они могли опасаться лишь одиночных налетов «веллингтонов», потому возвращались в свои дома в городе, чтобы заняться повседневными заботами.

Солнце было уже низко, когда я достиг командного пункта эскадры, где теперь находился личный штаб инспектора истребительной авиации.

Генерал сидел на складном стуле, спиной к стене барака. У его ног простиралась великолепная панорама сицилийского пейзажа. Мирные и невинные, покрытые виноградниками склоны горы Эриче спускались к предместьям города, чьи здания желтели в лучах бледного вечернего солнца. Высокие сосны и кипарисы выглядели темно-синими на фоне неба.

Но генерал, казалось, не оценивал грустную красоту этого зрелища. Когда я поприветствовал его, он поднялся на ноги со словами:

– Я возвращаюсь в Комизо.

– Мне жаль, господин генерал-майор, что все вышло не так, как надо.

– Мы не можем продолжать в таком духе. Ответ четырехмоторным бомбардировщикам – массированная атака. Пока действуем небольшими группами и пытаемся бороться с каждым вторгшимся самолетом, никогда не достигнем успеха. Вы узнали, как перехватить бомбарди-

ровщики, как приблизиться к ним в сомкнутом строю и атаковать их на встречном курсе. Но вы нерешительны и не можете подойти достаточно близко...

Он говорил, перекачивая черную сигару из одного угла рта в другой и недружелюбно глядя на меня.

«Скоро, – подумалось мне, – я буду иметь возможность рассказать прямо противоположные вещи». Все, что они могли сказать нам в настоящий момент, мы знали наизусть из боевых донесений летчиков-истребителей рейха. Я понимал его разочарование и хотел сказать ему, что здесь все другое – погода, тактические обстоятельства, условия обнаружения – и что были другие сопутствующие факторы, о которых они в рейхе не знали ничего... Но я ничего не сказал, отчасти потому, что чувствовал себя виноватым в том, что мы так сильно его разочаровали, отчасти потому, что, по моему мнению, солдат не должен оправдываться, если думает, что сделал все правильно.

Без сомнения, генерал и сам понял, что мы вряд ли придем к согласию, поскольку закончил разговор жестом, который наполовину выражал примирение, а наполовину – отчаяние.

– Я позвоню вам позже. Мы должны рассмотреть различную тактику. – С этим он сел в автомобиль.

Пронзительный звон телефона настолько резко прервал мой короткий сон, который унес меня так далеко от действительности, что потребовалось несколько секунд, прежде чем я смог назвать свое имя и понять, что говорю с генералом, который к этому времени достиг Комизо. Когда я сегодня оглядываюсь назад, эта беседа все еще кажется мне нереальной, а тогда я, по крайней мере в течение нескольких секунд, надеялся, что это дурной сон.

– Штейнхоф, – сказал он, – я только что получил телеграмму от рейхсмаршала. Пожалуйста, не волнуйтесь, когда я прочитаю ее вам. Не предпринимайте никаких сиюминутных действий. Но я должен вас информировать. Слушайте. «Командующему истребителями, Сицилия. Во время отражения налета бомбардировщиков на Мессинский пролив истребительные части не выполнили свою задачу. Один пилот из каждой группы, участвовавшей в этом, должен быть отдан под суд военного трибунала по обвинению в трусости в боевой обстановке. Геринг, рейхсмаршал». Повторяю: ничего не предпринимайте. Я сообщил в министерство авиации в соответствующих выражениях, что это невозможно.

Я продолжал молчать, потому что предъявленные обвинения были слишком возмутительными, чтобы их опровергать. Я прилагал все усилия, чтобы обдумать и четко осознать всю величину их.

«Трусость в боевой обстановке». Голос на другом конце телефонной линии имел знакомую интонацию: «Один пилот из каждой группы...» Это не могло быть, это не должно было быть правдой!

– Вы все еще там?

– Да, господин генерал-майор.

– Я позвоню вам завтра. Он всегда впадает в ярость, когда истребители не отвечают его требованиям.

– Разве мы не отвечаем?

– Я не говорил этого. Позвоню вам завтра утром. И не волнуйтесь!

Как не волнуйтесь? Мог ли я, как офицер, не волноваться, когда случилось подобное? Рейхсмаршал презирал нас, хотя было ясно, что бой с численно превосходящим противником мог закончиться только поражением. Нежели он действительно воображал, что может поднять наш боевой дух, называя нас трусами? Незадолго до этого он, как оскорбление, отклонил возможность того, что четырехмоторные бомбардировщики смогут прорывать оборону рейха. Тем временем они фактически достигали каждого угла рейха. Так теперь он пытался сделать нас ответственными за собственные проблемы. Он имел в виду нас всех, каждого в отдельности

летчика-истребителя на Юге. Это было коллективное оскорбление: «один пилот из каждой группы» – один летчик, выбранный наугад!

Вскоре должны были прибыть Фрейтаг и Гёдерт, и я намеревался незамедлительно сообщить им об этом. Уббен и Мейер улетели обратно на свои аэродромы, один – на Сардинию, а другой – на восток Сицилии. Я не предполагал передавать им этот приказ, пока не переговорю с генералом. Он не сможет позволить, чтобы эта абсурдная директива была исполнена.

Все еще продолжая держать телефонную трубку, которая уже давно молчала, я сидел, глядя прямо перед собой. Из гостиной за дверью доносился звон стаканов и фарфора, и я мог различить голоса Бахманна и Штрадена, говоривших вполголоса, чтобы не тревожить меня. Наступила ночь. Со своей кровати я мог видеть кусок усыпанного звездами бархатно-синего неба, красоту и великолепие которого можно оценить только на Юге.

Теперь я почти сожалел, что выбрал эскадру в Северной Африке, когда генерал предоставил мне выбор между командованием в рейхе и на Юге. Я прибыл в короткий отпуск домой из своей истребительной группы в Крыму и прилетел в Берлин на «шторхе»⁴². Инспектор истребительной авиации уже ждал меня. Он пребывал в мрачном настроении. Сначала он поинтересовался, как обстоят дела у наших истребителей на Востоке, но вскоре я понял, что беспокоит его совсем другое. Почти сразу он перешел к вопросу о «Летающих крепостях», сообщив мне об их первых налетах на побережье Ла-Манша и об их кажущейся неуязвимости, которая так удивила немецких летчиков-истребителей. Он предупредил рейхсмаршала и потребовал увеличения истребительной авиации. В том же самом контексте он указал, что вооружение «Мессершмитта-109» и «Фокке-Вульфа-190» было неадекватным, и предложил некоторые усовершенствования. Когда он предсказал, что однажды «Крепости» появятся непосредственно над Берлином, рейхсмаршал грубо отверг все его предложения, заявив, что отказывается слушать такую пораженческую болтовню.

Без какого-либо перехода генерал продолжил говорить о смерти майора М.⁴³, словно его единственное намерение в ходе всей этой беседы состояло в том, чтобы закончить ее потрясающими словами:

– Я боюсь, что вы оказываетесь перед необходимостью сократить свой короткий отпуск. Необходимо заменить двух командиров. Есть выбор между эскадрой в Северной Африке и в рейхе.

Я без колебания выбрал Северную Африку. Я не знал Юга, и это привлекло меня, так же как и перспектива рыцарских поединков с западными пилотами. В то время я и не подозревал, какие предстоят безжалостные бои с противником, имеющим такое сокрушительное численное превосходство.

«Вы возглавите 77-ю истребительную эскадру в Северной Африке. Ее командир погиб». Не очень ободряюще, но в военное время это был единственный путь, по которому происходило продвижение по службе. Все мы продвигались, занимая места убитых, так же как и летчики другой стороны, те, кого мы при каждой возможности пытались сбивать.

Я летел в Мюнхен и тащил свой тропический комплект. Невозможные мешковатые брюки цвета хаки, несколько рубашек и коричневый китель – все с вешалки и изготовленное в соответствии с принципом «подойдет так или иначе».

Так что в марте я приземлился в Чиапино, около Рима. Впервые в жизни я вступил на землю Вечного города. Это был изумительный весенний день. На пути в штаб генерал-фельдмаршала я открыл окна автомобиля и вдыхал ароматы, расточаемые природой в полном рас-

⁴² Легкий одномоторный Fieseler Fi-156 «Storch», использовавшийся в качестве связного и спасательного самолета.

⁴³ Речь идет о командире 77-й истребительной эскадры люфтваффе майоре Йоахиме Мюнхенберге, который погиб 23.03.1943 г. в Тунисе в бою со «спитфайрами» из 52-й истребительной авиагруппы ВВС США.

цвете. Фраскати было одно из наиболее роскошных жилых римских предместий. Около виллы командующего меня встретил дежурный офицер, который должен был отвести меня к начальнику штаба. Но сначала он представил меня настоящей действующей секретарше, и молодой к тому же, она расставляла в вазе гвоздики и в своем плиссированном платье напоминала видение весны. А затем я стоял перед шефом, генералом, одетым в белый мундир и восседавшим за огромным столом. Никогда в жизни не забуду оперативного совещания в штабе воздушного флота, на котором мне разрешили присутствовать. Я, боевой офицер, был свидетелем прогнозирования и комплексного отображения будущего хода сражения в Северной Африке, сражения, которое на следующий день я буду видеть собственными глазами. Штаб собрался в просторной солнечной комнате. Офицеры образовывали белое кольцо вокруг стола, на котором были развернуты карты, знаки на них были не очень знакомы мне. Там, где показывалась земля, преобладали большие, пустые желтые пространства, но главным образом там была вода, одна вода, если бы не пересекающиеся линии координатной сетки.

Одетому в плохо пригнанную пустынную униформу, мне было не по себе среди этих невероятно великолепных созданий. Я целую вечность не видел такого блеска. Возможно, потому, что два года боев в России огрубил меня и научили презирать такие вещи, эта слабо скрытая напыщенность выражений их лиц, фигур и поведения вообще стала для меня прямым оскорблением, и мое отвращение к ним росло от минуты к минуте.

Может у меня аллергия на верховное командование и штабных офицеров? Это было не так, поскольку после того, как вся штабная работа была выполнена, нам предстояло просто «подставлять свои задницы». Но такие, по общему мнению, вульгарные выражения больше не были в ходу среди них, хотя почти все они должны были некоторое время служить на фронте, где язык не управлялся правилами эстетики. Я нашел их пижонскую притворность и общую надменность невыносимыми. В их присутствии любой, удостоенный встречи с генерал-фельдмаршалом, должен был чувствовать себя неуклюжей ломовой лошады; снисходительным движением руки ему предложили бы стул в одной из передних штаба воздушного флота, где он должен сидеть и ждать. Я приехал с Восточного фронта, где в течение двух русских зим узнал, что мы были «человеческим материалом, предназначенным для немедленного расходования». В Сталинграде я видел умирающую армию. Я был свидетелем краха фронта; я летал и снова летал, везде, куда меня посылали, я выполнял свои обязанности, как любой другой солдат. Затем, почти без паузы, меня направили в Северную Африку, чтобы сразу сделать актером и зрителем следующей катастрофы. Но прежде всего я должен был увидеть пролог на столе с картой.

Я уже давно испытывал недоверие к ценности информации, обозначенной флажками и цифрами на карте. Что такое был батальон или эскадрилья истребителей? Никто не спрашивал об их реальном боевом значении. В течение часового вылета эскадрилья могла сбить около десяти самолетов противника, и наплевать, как она это делает. Никто не исследовал фактическое состояние пехотного батальона, чей командный пункт обозначался на карте маленьким треугольным флажком. Кто думал о том, что эта жалкая полоска была гауптманом и сотней людей, истощенных, отчаявшихся, наполовину безумных, возможно, пятьдесят процентов из которых были более или менее тяжело ранены? Кто-нибудь мог это сказать? Однако все эти генералы и офицеры Генерального штаба – по крайней мере большинство из них – сами участвовали в боях; они должны были, конечно, знать обо всем этом, с тех пор как их собственный опыт должен был намертво выгравировать это в их умах.

Была критика наших итальянских союзников, высказанная опечаленным тоном, был разговор о подкреплениях, о необходимых поставках тонн топлива и боеприпасов. Я слышал и наблюдал окончание славной кампании, представляемое прозаически, почти безразлично. Отношение отдельных из этих элегантных оберстов привело меня в ярость. Я там был единственным участвовавшим в боях? И я наверняка должен вступить в бой, на следующий день

должен был приземлиться в Тунисе, чтобы в этом финальном раунде вести свою эскадру против более сильного врага.

Тогда мы имели более мощного противника, чем на ранних стадиях войны. Теперь мы сами узнавали вкус поражения, но само поражение имело два аспекта: один из них я узнал в Сталинграде; другой был только что продемонстрирован мне в ящике с песком в нарядном, с иголки, штабе воздушного флота.

Когда все закончилось, мы сели за большой стол, на котором был накрыт превосходный обед и за которым председательствовал генерал-фельдмаршал.

– Как только вы сами ознакомитесь с районом боевых действий, – начал он, – вашей главной задачей будет убедить людей в вашей эскадре в том, что Северная Африка должна быть удержана – удержана любой ценой. Мы будем укреплять плацдарм и уменьшать линию фронта так, чтобы позиции можно было оборонять без труда. Но мы сами должны стать лучшими во всей авиации. Поэтому самая главная вещь – и ваша первейшая забота – это чтобы пилоты эскадры вместе с вами заново прониклись тем агрессивным духом, который вдохновлял каждого в ходе наступления на Эль-Аламейн.

– Хорошо, господин генерал-фельдмаршал.

Каким же образом я, по его мнению, должен был повторно внушить им агрессивный дух и восстановить их наступательный порыв? Я сказал: «Хорошо», но, вступая в новую должность, не представлял, как это делать, прибыв с очень отличавшегося театра боевых действий, с опытом, который здесь не очень-то годился...

Через день или два я столкнулся с действительностью. Впервые стоя перед пилотами, собранными на маленьком аэродроме к северу от Сфакса, я по выражениям лиц читал их мысли. С дружелюбным скептицизмом они изучали вновь прибывшего, который впредь должен был вести их в бой. Подразумевалось, что лидер истребительной эскадры – это я знал из примеров, которые имелись на каждом театре военных действий, – возглавляет вылеты, подает пример, сбивает самолеты. Именно так оценивались командиры эскадрильи, группы и, прежде всего, командир эскадры. Они хотели знать, какого сорта это человек, прибывший с Восточного фронта, сможет ли он справиться с воздушным боем в их собственной зоне боевых действий и каков он в бою, поскольку Восточный фронт расценивался среди летчиков-истребителей как «легкий». Мне стало стыдно за громкие слова, которые я подготовил и которые, несомненно, отвечали требованиям генерал-фельдмаршала, и просто сказал, что горжусь возможностью возглавить эскадру и что наша работа в том, чтобы летать и уничтожать вражеские самолеты. Спасибо, господа.

И уже на следующий день я узнал, как они летали и как вели бой здесь. Я также учился не забывать, что задача врага также была летать и уничтожать самолеты противника и что он с некоторого времени выполнял эту работу превосходно. Во всяком случае, это относилось к пилоту «спитфайра», который несколькими точными выстрелами пробил мой радиатор, пригрозив мне совершить посадку «на живот» в пустыне южнее Кайруана.

Они сидели вокруг стола, когда я вошел. Их расслабленный, беззаботный вид напоминал о довоенной офицерской столовой, хотя все, что мы занимали в то время, – это квартира или примитивный аэродром. Сходство было лишь внешнее, а на самом деле не оставалось сомнения, что они смертельно устали. Это было не столько физическое истощение, сколько моральное утомление. Гёдерт только что прибыл из Шакки. Приветствуя меня, он смотрел печально, как будто говоря: «Боюсь, что не могу сообщить вам ни о каких победах».

Толстяк подал яичницу и наполнил наши стаканы вином. Мы говорили о вылете и неудавшейся атаке бомбардировщиков. Во время пауз в разговоре мы смотрели друг на друга; у всех в глазах было понимание неизбежности конца, которого никто не мог избежать. Не было никакой надежды, потому что чудес не бывает, потому что нет никакого чудо-оружия, а есть только

люди, которые сражались до тех пор, пока их не сбивали. Налеты на остров продолжались с убийственной точностью – точностью, которая когда-то была нашей специальностью, но которая теперь, казалось, передалась нашему врагу. И мы должны были продолжать до конца атаковать нашего противника, который, мы знали, прибывал, и не могли ничего сделать, чтобы остановить его.

Каждый пилот здесь знал это, даже тот, кто только что прибыл. То, что случилось этим вечером и о чем никто пока не знал, должно было еще больше их озлобить. Однако им нужно было сказать – я не мог скрывать это от них. Подбирая наиболее осторожные выражения, я начал говорить:

– Я должен передать вам приказ рейхсмаршала. Генерал только что позвонил мне по телефону, чтобы сообщить, что рейхсмаршал рассержен и считает, что сегодня мы не выполнили нашу задачу. Один пилот из каждой участвовавшей в вылете группы должен быть отдан под трибунал за... – внезапно слова застряли у меня в горле, – трусость в боевой обстановке.

Над столом повисла мертвая тишина. Они смотрели на меня, не веря, словно я только что пошутил в дурном вкусе.

Фрейтаг был первым, кто обрел дар речи. Подняв стакан, он сказал:

– Хорошо, давайте, в общем, выпьем за это – я буду добровольцем.

Я готов был обнять его. Своим сарказмом он указал единственно возможный способ действий, доступный для нас, командиров. Застенчивый молодой Бернхард, который выглядел крайне несчастным и который еще не прикоснулся к еде, потрясенно спросил:

– Кто это решил? Что думает рейхсмаршал? Конечно, фюрер не может... – Он замолчал и беспомощно посмотрел вокруг.

О, достойный продукт гитлерюгенда⁴⁴, подумал я. Но прежде чем успел что-нибудь сказать, Фрейтаг ответил:

– Ничего он не думает. Он только хочет, чтобы мы со страху наделали в кальсоны. Возможно, все мы станем более проникательными, когда трибунал найдет среди нас нескольких виновных и подарит этой отбивной...

Я не мог позволить разговору продолжаться в таком тоне; цинизм не поможет в этой ситуации. Так что я размеренно и бесстрастно произнес:

– Генерал попросил, чтобы я сообщил вам, что он вмешается, чтобы защитить нас, и что мы не должны волноваться. Но сам он был тоже разочарован. Сотня истребителей в воздухе и только один сбитый противник – он все еще не может поверить в это.

Бомба, разорвавшаяся недалеко от дома, заставила зазвенеть стаканы на столе. Электрический свет моргнул один или два раза, затем погас.

– Неприятности снова здесь, – произнес Толстяк в темноте. – Господин майор, я отнесу вашу раскладушку и спальный мешок в грот.

Мы скатились вниз по лестнице и только под открытым небом смогли услышать звенящий гул двигателей «веллингтона». Ночью все еще было жарко. Яркий свет от горящих домов отражался на поверхности бухты.

Протиснувшись через проем в стене, я выпрямился. Воздух в гроте был тяжелым из-за сигаретного дыма и запаха пота. Фрейтаг стал произносить лекцию на предмет храбрости.

⁴⁴ Гитлерюгенд – молодежная нацистская военизированная организация, созданная 1.12.1936 г. специальным распоряжением Гитлера. В нее вошли все ранее существовавшие в Германии молодежные клубы и союзы. Принадлежность к гитлерюгенду была обязательной. Организация проводила спортивные соревнования, турпоходы, молодежные слеты, международные встречи с членами аналогичных организаций из Италии и других стран. Любой немецкий юноша мог найти в гитлерюгенде что-то интересное для себя: авиамоделирование, спорт, занятия музыкой, журналистикой, народными промыслами и т. п. Но при этом, конечно, основной упор делался на идеологическое и физическое воспитание. Еще 6.09.1935 г., выступая на партийном съезде в Нюрнберге, Гитлер говорил: «Нам не нужны интеллектуальные упражнения. Знание разрушительно для моей молодежи. По нашему мнению, молодой немец будущего должен быть стройным и ловким, резвым как борзая, гибким как кожа и твердым как крупповская сталь».

В его правой руке была зажата бутылка марсалы⁴⁵, его любимого напитка; этим вечером он обходился без стакана. Лицо Кёлера, по контрасту с его черными как смоль волосами, при свете карбидной лампы выглядело прозрачным и очень бледным. Недавно он перенес малярию, однако отказался от отпуска домой, чтобы остаться со своей эскадрильей.

Гёдерт с закрытыми глазами полулежал в шезлонге. Штраден и Бахманн, подпирая коленями стол, беседовали шепотом. В сумраке около узких каменных ступеней, ведущих на виллу, сидела светловолосая девушка Тереза. Около нее стояла ее бабушка, как всегда, прямая точно шомпол и едва различимая среди окружающих теней в черном платье и черной вуали.

Бернхард и Цан сидели на стульях, лицом к Фрейтагу. Толстяк поставил мой шезлонг рядом со стулом Фрейтага и налил мне стакан вина. Беседу только что прервал новый взрыв, и все, что услышать можно было, – только шипение лампы.

Фрейтаг повернулся ко мне.

– Хорошо, разговор закончен, – произнес он. – Лидеры групп, участвовавших в вылете, должны сделать шаг вперед. Это нас они должны будут отдать под трибунал.

– Да, – согласился Гёдерт, – именно так и надо поступить.

– Но не означает ли это признания в трусости? – возразил Кёлер.

Фрейтаг замахал руками, почти как итальянец:

– Только суд может выяснить, вели ли себя летчики-истребители как трусы. Он должен сообщить нам, как атаковать противника и является ли каждый, кто вернулся домой, не сбив самолета, трусом. Предположим, вы приближаетесь с задней полусферы и в вас стреляют сотни пулеметов, вы использовали весь свой боекомплект, а тяжелые бомбардировщики все же продолжают катиться вперед и с этим ничего нельзя поделать, – тогда вы должны идти на таран, иначе вы трус.

– Да, – сказал Кёлер, – это то, что он⁴⁶ подразумевал в своей телеграмме: предполагается, что мы должны таранить «Крепости».

Внезапно все замолчали и с надеждой посмотрели на меня, как будто я должен был знать ответ. Большие глаза Бесенка, с их обычным испуганным выражением, сейчас особенно внимательно глядели на меня, словно спрашивая: «Это правда?»

Но опять первым заговорил Фрейтаг; он был слишком разгневан, чтобы оставаться молчаливым, ему требовалось выпустить пар.

– Конечно. Они напечатают вашу фамилию в сводке вермахта, и ваш старик получит любезное письмо, которое можно заранее напечатать, чтобы при необходимости вписать только ваше имя внизу. А еще можно сэкономить на таком бесполезном мусоре, как парашюты и спасательные жилеты.

– Я полагаю, что вы больше не будете нуждаться в пушках, – добавил Кёлер.

Бахманн оставался серьезным – цинизм был чужд его характеру.

– Кто мог забить такой ерундой его голову? – спросил он. – Вы же знаете, что он сам был летчиком-истребителем. Как он мог так поступить с нами?

– Рейхсмаршал все еще не понял, что мы перестали летать на бипланах с крыльями на проволочных расчалках, – ответил я, – и что мы больше не сидим в открытых кабинах в мехах и не носим огромных защитных очков. Он, конечно, никогда не носил кислородную маску и понятия не имеет, как мы определяем курс или пользуемся рацией. Так как же можно ожидать, что он поймет характер современной воздушной войны?

– А это ему ни к чему. Возможно, как главнокомандующий люфтваффе, он и не обязан знать о подобных вещах. Но другие там должны советовать ему... – Кёлер умолк и задумался.

⁴⁵ Марсала – виноградное вино, производимое в окрестностях города Марсала, на Сицилии.

⁴⁶ Имеется в виду рейхсмаршал Геринг.

– При условии, что он их слушает, – усмехнулся Фрейтаг. – Я скажу вам, что он хочет. Он хочет побед. Как он беспечен. В последнее время не все для люфтваффе складывалось хорошо. Раньше были Крит, или Норвегия, или, в самом начале, Польша – тогда были успехи. Но теперь, когда другая сторона демонстрирует нам более совершенный тип воздушного боя, чем существовавший ранее, единственное, что ему остается, – требовать побед!

– Но эти «малиновые штаны»⁴⁷, которые роятся вокруг него, – возразил Кёлер, – разве они не могут ему доказать?

– Они втыкают флажки в оперативную карту, говорят: «Да, господин рейхсмаршал» и весьма приблизительно представляют, как мы ведем войну. Они даже не имеют мужества прямо сказать ему, что происходящее теперь отличается от его воспоминаний 1917 года. Чего можно ждать от них? Лишь несколько из них когда-то слышали, как ведут огонь по противнику, и, в конце концов, все они хотят однажды стать генералами.

– Но он был летчиком-истребителем, – продолжал Кёлер, – и если он не понимает специфики наших действий или воздушного боя на высоте 9000 метров, то настало время, чтобы кто-нибудь объяснил это ему!

– И кто же объяснит ему? – спросил Бахманн. – Начальник технического управления люфтваффе служил в той же эскадрилье, что и рейхсмаршал; он также был одним из самых известных пилотов Первой мировой войны⁴⁸. Геринг, конечно, выслушал бы его. Я уверен, что у него получилось бы. Но он застрелился.

– Он, конечно, смог бы, – подтвердил я, почувствовав, что должен вмешаться, чтобы прекратить этот саморазрушительный диалог. – Он единственный был способен на это. Я расскажу вам, почему рейхсмаршал думает по-другому и как произошло, что он больше не понимает наш особый мир.

Когда началась война, я командовал эскадрильей ночных истребителей. Да, мы имели их даже тогда! Мы размещались на маленьком травяном аэродроме около Бонна и пытались перехватывать одиночные «бленхеймы»⁴⁹, которые вторгались на территорию рейха, сбрасывая агитационные листовки. Утомительная была работа преследовать этих парней. «Бленхейм», подобно старому «юнкерсу»⁵⁰, был полностью оборудован для слепых полетов, и это подразумевало, что мы на своих одноместных «мессершмиттах» должны были взлетать в любую погоду. Гражданское население строго соблюдало светомаскировку, так что полет в кромешной темноте был жутким опытом. Я все еще задаюсь вопросом, как мы набирались храбрости снова и снова испытывать удачу; мы имели очень малый опыт ночных полетов, и наше навигационное оборудование было чрезвычайно примитивным. Неудивительно, что с таким набором мы так ничего и не положили в свой мешок. Британцы летали очень высоко, преимущественно в облаках.

⁴⁷ Такое прозвище дали в боевых частях офицерам Генерального штаба люфтваффе.

⁴⁸ Речь идет об Эрнсте Удете, который в ходе Первой мировой войны сбил 62 самолета и стал вторым по результативности летчиком-истребителем кайзеровской Германии. После войны он работал автомехаником и некоторое время пилотом на пассажирской авиалинии Вена – Мюнхен. Затем, в 1925 г., Удет уехал в Аргентину, где стал пилотом чартерных линий, и летал в Африку. Позднее он переехал в США, где зарабатывал на жизнь, выступая в различных авиашоу, и даже снялся в нескольких голливудских фильмах, выполняя воздушные трюки. В июне 1935 г. Удет по приглашению Геринга вступил в люфтваффе и затем 4.02.1938 г. в звании генерал-майора занял должность начальника технического управления. На первоначальном этапе создания люфтваффе он, бесспорно, играл положительную роль, так, благодаря его стараниям были сформированы первые группы пикирующих бомбардировщиков и самолетов-штурмовиков. Однако в остальном деятельность Удета, отвечавшего за разработку и производство новых самолетов, не отличалась успехами, так как он не имел соответствующего образования и технической подготовки. Позднее Геринг сказал про него: «Именно он полностью развалил нашу программу развития люфтваффе». Это не могло не сказаться на Удете. Он неделями не появлялся на службе, предаваясь пьянству и принимая наркотики. В моральном и физическом отношении он опускался все ниже и в конце концов 15.11.1941 г. в состоянии глубокой депрессии покончил жизнь самоубийством.

⁴⁹ Британский двухмоторный средний бомбардировщик «бристоль-бленхейм» (Bristol «Blenheim»).

⁵⁰ Имеется в виду трехмоторный «Ju-52», использовавшийся до войны в качестве пассажирского самолета.

Умные головы в Берлине начали волноваться, поняв, что угроза со стороны британцев весьма серьезная, – вслед за листовкам, падающими на города рейха, могли последовать бомбы. Они продолжали запрашивать боевые донесения. Прежде всего, хотели знать, почему мы не сбиваем британцев, несмотря на четкий приказ делать это.

В конце сентября пришла телеграмма, в которой мне приказывалось прибыть в Берлин для участия в совещании, посвященном совершенствованию тактики ночного боя. Как ожидалось, на нем должен был присутствовать сам рейхсмаршал⁵¹. На следующее утро я явился в министерство авиации и оказался в зале заседаний, где собралась небольшая группа участников совещания: начальник Генерального штаба люфтваффе, начальник технического управления люфтваффе, командующий зенитной артиллерией, инспектор истребительной авиации, офицеры Генерального штаба и стенографистки.

Пока мы ждали рейхсмаршала, у меня было время осмотреть зал заседаний. Его стиль показывал, что рейхсмаршал предпочитает дуб, кожаную обивку и внушительных размеров мебель. Светлые деревянные панели покрывали стены до самого потолка, на котором висела огромная люстра в форме тележного колеса. Стулья, с сиденьями и спинками, обитыми светлой воловьей кожей, были расставлены с трех сторон дубового стола, во главе которого темнел стул, отличавшийся от других, стул поистине титанических размеров. Это был стул рейхсмаршала.

Одна секция деревянных панелей заскользила, открываясь, и он вошел. Он носил белый мундир. Разместившись в своем огромном кресле, он зажег одну из тех длинных сигар «Вирджиния», которые курят в Австрии, и только после этого начал говорить. Он говорил о британских налетах и о неудачах зенитной артиллерии и ночных истребителей. В то время не было никаких радиопеленгаторов ни для нас, ни для зенитчиков, которые полностью зависели от звукопеленгаторов. Он считал позором, что «бленхеймы» слоняются над рейхом как хотят.

Он говорил, переполняясь гневом, и внезапно стал вспоминать о Фландрии, о воздушных боях над ней и о лучшем истребителе века бароне фон Рихтхофене⁵². Он поднял руки, демонстрируя атаку снизу; перемещая вытянутую правую руку по кругу перед своим лицом, он преследовал ее своей левой и наконец подстрелил ее. Рейхсмаршал с энтузиазмом рассказывал о полетах при ярком лунном свете, о вылетах на перехват, когда они летали прямо над дорогами Фландрии, чтобы обнаружить силуэт врага на фоне более светлого ночного неба сверху; как они затем увеличивали скорость и начинали атаку снизу...

Он говорил ярко и впечатлил меня своей убедительной манерой, в которой описывал агрессивный дух известных летчиков-истребителей и методы их действий. Но постепенно меня охватило чувство горького разочарования, поскольку целый мир отделял детально разработанную тактику рейхсмаршала от современной воздушной войны. Этот человек, подумал я, теперь не имеет абсолютно никакой концепции воздушного боя. Он живет прошлым и не знает своих люфтваффе. Нужно будет ему сказать, как все обстоит в действительности. Именно поэтому мне приказали присутствовать. Совершенно очевидно, что я должен прямо сказать ему то, что они ожидают от меня!

Когда он вешал о далеком прошлом, его жесткие фразы звучали немного патетически. Я начал ерзать на стуле. Меня переполняло непреодолимое искушение вскочить и рассказать ему о современных проблемах.

⁵¹ В сентябре 1939 г. Геринг имел еще звание генерал-фельдмаршала. Персональное почетное звание рейхсмаршала было присвоено ему в июле 1940 г. после успешного завершения кампании в Западной Европе.

⁵² Манфред фон Рихтхофен в сентябре 1916 г. – апреле 1918 г. в боях над Францией и Бельгией одержал 80 воздушных побед. Погиб 21.04.1918 г., когда его триплан «Fokker Dr.I» врезался в землю по другую сторону фронта. Точные обстоятельства гибели фон Рихтхофена так и остались неизвестными. По одним данным, он был сбит в воздушном бою истребителем «сопвич-кэмел» (Sopwith «Camel») капитана Артура Брауна из 209-й эскадрильи Королевских ВВС Великобритании, а по другим – пулеметным взводом 11-й зенитной батареи 14-й австралийской бригады полевой артиллерии.

Когда он сделал паузу, чтобы повторно зажечь сигару, я поднял руку. И в тот же момент меня охватила паника, потому что лица генералов, которые теперь все, как по команде, повернулись ко мне, весьма явно выражали то, что они думали о моей наглости. Но было уже поздно прятаться в свою раковину. Рейхсмаршал взмахнул сигарой – это был его сигнал, разрешавший мне говорить. Я встал и начал говорить. Прежде всего, я объяснил, что условия боев изменились, и затем указал на трудность перехвата врага, чье навигационное оборудование позволяет летать на больших высотах и в плотных облаках. Мы же имели возможность найти и атаковать противника, только когда он был пойман лучами прожекторов с земли. А так как мы не имели никаких средств управления в сложных метеоусловиях, были не способны эффективно выполнять нашу задачу. Требовались более совершенное навигационное оборудование для наших самолетов и новая тактика, если мы хотели найти врага в темноте. Я говорил кратко и надеялся, что убедительно. Если кто в то время и знал, как вести ночной бой, так это был я.

Когда рейхсмаршал, наконец, вынул сигару изо рта, чтобы прервать поток тщательно подбираемых мною слов, он выглядел скорее удивленным, чем сердитым.

«Сядьте, – сказал он мне, словно школьнику, – сядьте на вашу маленькую задницу, молодой человек. Вам нужно пройти еще длинный путь, прежде чем вы сможете участвовать здесь в обсуждении».

Затем он обратился к одному из генералов своего штаба и больше даже ни разу не поглядел на меня.

Так что я там сидел на своей «маленькой заднице», проглотив оскорбление, пристыженный перед этими старыми генералами. Однако один из них, начальник технического управления, исподтишка подмигнул мне. Он рисовал в своем блокноте бессмысленные узоры. Именно тогда я понял, что наш главнокомандующий не разбирается в современной войне.

В течение последней части моей истории позади моего шезлонга стоял дежурный офицер. Хотя и пришел с сообщением, он не прерывал меня. Теперь он склонился над моим стулом и сказал:

– Господин майор, только что пришел приказ на завтра. Мы должны обеспечить защиту от налетов из Северной Африки и с Пантеллерии. На рассвете боевая воздушная разведка должна вылететь к Мальте, Пантеллерии и Тунису.

– На рассвете, – отозвался я, – это в три часа.

В течение короткого времени в гроте стояла тишина. Парни уснули в своих шезлонгах. Время от времени кто-то беспокойно возился – в подвале, которому, по правилам, полагалось быть прохладным, было жарко и влажно. Я страстно мечтал об освежающей ванне и чистом нижнем белье, всем сердцем ненавидя этот театр военных действий.

Как только рассвело, я улетел в Комизо.

ТРАПАНИ, 27 ИЮНЯ 1943 Г

Несмотря на неудовлетворенность наземных сил воздушными планами, союзнические военно-воздушные силы фактически исполнили свою роль в период подготовки десанта. Оказывая поддержку всеми своими истребителями и истребителями-бомбардировщиками и большинством легких и средних бомбардировщиков, NATAF⁵³ направил в июне из Северной Африки на Мальту 3 крыла «спитфайров», чтобы увеличить воздушную группировку на этом острове до 20 эскадрилий истребителей. Также в июне группа американских истребителей «Р-40» перелетела на Пантеллерию, чтобы прикрыть высадку в Джеле и Ликате. Американские авиационные инженеры в предельно короткий срок, за 20 дней, построили на острове Гоцо новый аэродром для базирования другой американской авиагруппы. К концу июня союзническая авиация насчитывала на этих трех островах 670 самолетов первой линии.

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

[Итальянские] береговые батальоны... были укомплектованы людьми старших возрастных групп, часто плохо управлялись и в некоторых случаях обороняли сектора длиной до 40 километров.

Альберт Гарланд. Сицилия и капитуляция Италии. Средиземноморский театр военных действий. Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне

С наращиванием союзниками в две последние недели июня воздушных ударов по Сицилии истребительным частям, размещенным на Сардинии и в Северной Сицилии, была поставлена задача сковывать мощные атакующие соединения бомбардировщиков и истребителей союзников. Потери в воздухе и на земле, а также уничтожение большего, чем когда-либо, числа аэродромов все больше отражались на их боеспособности.

Франц Куровски. Ворота в крепость Европа

Комизо находится в южной части острова, приблизительно в 24 километрах от побережья, чей белый бесконечный песчаный пляж можно заметить с большого расстояния. Великолепный вид. В дни, когда мы атаковали порт и аэродромы Мальты, этот залив предоставлял возвращавшимся поврежденным самолетам, у которых не было никаких шансов достичь аэродрома в Комизо, возможность совершить вынужденную посадку. Фокус состоял в том, что надо было посадить самолет на воду таким образом, чтобы он не уходил под воду, а скользил по ее поверхности и в конце пути достигал пляжа. Но было лучше – при условии, что вы могли так далеко дотянуть, – садиться параллельно берегу на мягком песке. Некоторые пилоты «Ме-109» выполняли этот опыт с большим успехом; другие же тонули, пытаясь это сделать. Теперь я уже другими глазами смотрел на красивый серповидный залив, простиравшийся далеко за пределы города Джела, поскольку это место идеально подходило для морского десанта, основанного на тактике, опробованной американцами на Тихом океане.

За линией пляжа вдоль берега тянулась цепь невысоких строений. Это были все те же нелепые сооружения с бойницами, которые можно было заметить всюду на побережье. Они

⁵³ North-West African Tactical Air Force – тактическое командование ВВС союзников в Северо-Западной Африке.

были выстроены или из туфа⁵⁴, или из мягкого известняка; раствор при их строительстве не использовался, так как этот необходимый компонент дорого стоил и кто-то его «загонял». Эти сооружения, как предполагалось, создавали впечатление готовности к упорному сопротивлению – форма самообмана, типичного для Италии под управлением дуче⁵⁵. Зрелища, подобные этому, наводили на нас жуткую тоску, поскольку нам стало казаться, что мы тоже стали видеть не то, что есть на самом деле, а то, что нам хотелось видеть, иными словами, мы стали выдавать желаемое за действительное. Одним из примеров была моя встреча с итальянским караульным патрулем из двух человек во время предыдущего посещения Джелы.

В полдень Бахманн и я шли через дюны к пляжу, чтобы искупаться. Внезапно дорогу нам преградили два пожилых человека в форме итальянской армии. Они спросили пароль, справились о нашей национальности и, очевидно, были весьма удовлетворены, когда мы показали им нашу немецкую форму, оставленную лежать в кустах чертополоха. Эти два трогательных старика были родом из окрестностей Энны, в центре острова. Несмотря на жару, они были одеты в оливковые мундиры из грубой, плотной ткани, прозванной немецкими солдатами «асбестом», и вооружены короткоствольными винтовками, использовавшимися в итальянской армии. Их икры над ботинками со шнурками были обвязаны исчезнувшими уже везде обмотками. Они сказали, что их задача состоит в том, чтобы останавливать неизвестных людей и устанавливать их личности. Обнаружив что-нибудь подозрительное, они должны были сообщить по телефону в штаб своей роты в Джеле.

И это была итальянская береговая оборона, после того как итальянцы и немцы потерпели поражение в Северной Африке! Это было столь превозносившееся железное намерение сбросить врага назад в море, если он осмелится вступить ногой на священную землю римлян!

Комизо был боевым аэродромом итальянских военно-воздушных сил, носивших гордое название *Armata Azzurra*⁵⁶. Благодаря своему удобному расположению он был излюбленным плацдармом для наших бомбардировщиков и истребителей в ходе сражений за господство в воздухе над Мальтой. Теперь, как и тогда, он был занят одной группой 53-й истребительной эскадры. Поблизости, в роще сосен и фиговых деревьев, постоянно покрытых желтой пылью с сухой равнины, инспектор истребительной авиации разбил свой командный пункт.

Выполнив широкий левый разворот над взлетно-посадочной полосой, я мысленно отметил состояние аэродрома. Бомбардировщики союзников, очевидно, часто атаковали его, коричневая, выжженная трава была испещрена бомбовыми воронками, ангары лежали в руинах, а самолеты группы – широко рассеяны в укрытиях по краям аэродрома. Белый крест верхушкой указывал в направлении пригодной взлетно-посадочной полосы, которая, как обещал генерал, была отмечена маленькими красными и белыми флагами.

После приземления моя машина, прежде чем остановиться, затряслась по неровной поверхности и наспех засыпанным воронкам. Летное поле выглядело мертвым. Только после того, как открыл фонарь кабины, я заметил механика, подзывавшего меня с края аэродрома, где для защиты самолетов были насыпаны земляные валы. Унтер-офицер Хелбиг приземлился после меня и следовал за мной в направлении укрытий.

⁵⁴ Туф – легкая пористая известковая порода вулканического происхождения.

⁵⁵ Имеется в виду Бенито Муссолини. В марте 1919 г. он создал партию «Союз борьбы», после чего его сторонников стали называть фашистами, а партию – фашистской. Своей главной целью Муссолини провозгласил «борьбу за интересы нации». 2.10.1922 г. он со своими сторонниками организовал многотысячный марш на Рим. Король Италии Виктор-Эммануил III и силы, на которые тот опирался, посчитали, что им выгодно иметь во главе страны такую сильную и популярную в народе личность, как Муссолини. В результате парламент большинством голосов передал всю власть в его руки. Муссолини стал диктатором Италии и присвоил себе титул «вождя».

⁵⁶ Неофициальное название итальянской военной авиации. С 28.03.1923 г. военно-воздушные силы Италии носили официальное название – Королевская авиация (*Regia Aeronautica*). Специальный закон от 4.05.1925 г. установил, что в нее входят: собственно военно-воздушные силы (*Armata Aerea*), морская авиация (*Aeronautica per la Marina*), армейская авиация (*Aeronautica per l'Esercito*) и авиация охраны колоний (*Aviazione Presidio Coloniale*).

Я выбрался из кабины и расстегнул ремни спасательного жилета, в то время как механики, приподняв хвост, развернули мою машину носом к посадочной полосе. Под колеса были поставлены клинья, и началась работа по ее обслуживанию. Люди были раздеты до пояса, их дочерна загорелые тела блестели от пота, поскольку они работали под палящим солнцем. Один из них открыл замки капота двигателя, чтобы проверить масло и охлаждающую жидкость. Мой вопрос о транспорте или о ближайшем телефоне был прерван хлопками разрывов зенитных снарядов высоко над нашими головами.

– Они на подходе! – завопил механик, спрыгнув с крыла и бросившись прочь.

Другой закричал:

– Там есть укрытие!

Он показал на земляную насыпь в центре живой изгороди из кактусов и затем также удрал. Мне не оставалось ничего иного, как тоже последовать в укрытие.

– Хелбиг, скорее! – крикнул я своему унтер-офицеру перед тем, как вслед за механиками броситься через высохший, высотой по колено, кустарник. К тому моменту, когда достиг входа в укрытие, я уже мог слышать гул авиационных двигателей. Крутая лестница вела вниз. Как стены и крыша укрытия, она была сделана из желтого туфа, камня, мягкого на ощупь и оставлявшего на руках желтые следы. Укрытие представляло собой туннель с двумя выходами и двухметровым основным помещением. Как только мои глаза привыкли к сумраку, я увидел, что оно заполнено так же плотно, как перегруженный автобус. Солдаты или стояли, прислонившись спинами к стенам, или сидели на корточках на пыльном полу. Когда я протолкнулся внутрь, им пришлось потесниться, отодвигаясь от входа к более защищенным позициям у стен. Ни один человек не попытался приветствовать меня. Впрочем, ожидать этого в подобной ситуации было бы невыразимой глупостью. Выражения их лиц были стоическими, почти безразличными, к настоящему времени они уже давно привыкли к этой игре с удачей. Я еще раз, как иждивенец, понял, что без заботливого внимания этих скромных механиков наши машины никогда не смогут подняться в воздух. Они смотрели на меня спокойно и с легким сожалением, словно говоря: «На сей раз вы должны потеть вместе с нами. От вашего умения сбивать самолеты тут будет мало проку».

Внезапно зенитная артиллерия стала стрелять интенсивнее. Люди у пушек немногим отличались от тех, кто сидел в укрытии, единственным отличием было то, что первые не могли бежать в укрытие и вместо этого должны были продолжать стрелять, несмотря на приближавшиеся к ним разрывы бомб. Каждый из этих людей исполнял свою роль в этой разрушительной драме, обладая собственным уровнем героизма и следуя собственным путем преодоления самого себя. Эти вещи легко забывались, когда ты обладал привилегией вести бой в одиночку, летя на мощной машине в трехмерном пространстве неба, и, лишь в буквальном смысле упав на землю, вспоминал об этом. Теперь сквозь шум зенитной артиллерии и самолетов можно было четко расслышать шелестящий рев первых падающих бомб. Мы инстинктивно втянули головы в плечи. Когда взорвавшиеся бомбы отозвались в наших барабанных перепонках объемным и ужасным «крумп», Хелбиг обеими руками схватил мою руку и сжал ее очень сильно, до боли.

Затем наступила пауза, когда слышна была только зенитная артиллерия. Очевидно, люди возле пушек поблизости от нас выжили. Гул двигателей усилился и тотчас же снова стал стихать, прерываемый разрывами бомб с взрывателями замедленного действия. Лица людей вокруг меня были покрыты белой пылью, поднятой взрывами внутри укрытия. Я слышал, как кто-то сказал:

– Следующая волна...

– *Mamma mia, mamma mia!* – завопил истерический голос рядом со мной, и, прежде чем я успел что-либо сделать, одна из пыльных фигур на земле обхватила меня за талию и прижалась ко мне в поисках защиты.

– Мamma mia, mamma mia! – Крик продолжался без перерыва.

Снова послышался отвратительный свист бомб. Итальянец невыносимо сковывал мои движения, но в тот самый момент, когда от мощных взрывов у всех нас подогнулись колени и я почувствовал, что вот-вот упаду, долговязый немецкий солдат оттащил от меня итальянца и отвесил ему звучную оплеуху.

Затем все стихло. Через два входа в нашу темницу медленно дрейфовала пыль, и теперь были слышны лишь одиночные взрывы. Мы осторожно поднялись по ступенькам наверх. Нашим взорам предстала картина разрушений. Клочок земли с увядшей травой, который тянулся от входа до капониров самолетов, представлял отвратительный, изрытый воронками пейзаж, в то время как над местом, где мы поставили «сто девятое» на стоянку, высоко в воздух поднимались два масляно-черных дымных столба. Осколки бомб пробили их топливные баки и зажгли бензин. Воздух над горящими самолетами колыхался от высокой температуры. Огромное облако пыли, висевшее над остальной частью аэродрома, подобно белому одеялу, скрывало ее из вида. Но мы очень четко видели, что осталось от двух наших горящих самолетов, которые теперь уже никто не мог спасти.

Затем я нашел какой-то автомобиль, на котором добрался до командного пункта инспектора истребительной авиации. Мой печальный рассказ произвел не большое впечатление на генерала. Вместо того чтобы ходить вокруг да около, он перешел к обсуждению обороны острова:

– У меня больше нет никаких сомнений в том, что идет обработка острова перед высадкой десанта. Теперь, когда Пантеллерия капитулировала без единого выстрела, они больше не нуждаются в авианосцах. Мальта и Пантеллерия – идеальные плацдармы для истребителей – больше того, это непотопляемые авианосцы. Бомбардировщики же еще летают издалека, из Туниса, Бизерты и Триполи.

– Так мы можем столкнуться с истребителями над любой точкой острова?

– Действительно можете! Даже когда бомбардировщики атакуют Мессинский пролив, их еще могут сопровождать «лайтнинги».

Я встретился с дальним истребителем «П-38» «лайтнинг» в последние дни кампании в Северной Африке. Наши мнения об этом двухбалочном, двухмоторном самолете были различными. Наш старый «мессершмитт» все еще, возможно, был немного быстрее. Но пилоты, которые вступали с ним в бой, говорили, что «лайтнинг» мог выполнять гораздо более глубокие виражи и оказывался у вас на хвосте, прежде чем вы понимали, что случилось. Рассказы об их вооружении были, несомненно, преувеличены. Шесть пулеметов, установленных в носовой части, предполагалось, давали высокую плотность огня, от которого не было спасения. Конечно, когда они начинали стрелять, казалось, что трассеры льются словно из душа, и надо было обязательно маневрировать, чтобы не дать вражескому летчику возможности занять позицию для открытия огня. Уже некоторое время американцы использовали их для штурмовок дорог в южной части острова, чтобы они, не встретившись с нами в воздухе, не возвращались обратно с полным боекомплектом. Наземные войска поэтому уже боялись их.

– Как мы можем выжить при таком неравенстве сил, если нас уничтожают на наших аэродромах? – спросил я.

Генерал стал развивать идею, о которой упомянул несколькими днями прежде в телефонном разговоре со мной.

– Мы должны использовать три истребительные группы, которые имеем, для серии одновременных ударов. Мы сможем произвести впечатление на врага, только если сконцентрируем все наши силы. Риск очень велик, так как у нас на острове нет достаточного числа аэродромов. Если мы собираемся атаковать врага всеми тремя группами, мы должны будем собрать их по возможности на одном аэродроме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.